

Анатолий Матюхин

**Книга памяти.
Воспоминания
солдата**

Анатолий Кузьмич Матюхин

Книга памяти.

Воспоминания солдата

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70617136

SelfPub; 2024

Аннотация

Эта книга – уникальные воспоминания дедушки моего мужа, Анатолия Кузьмича Матюхина, который прожил всю свою жизнь на Украине, и в тяжелые годы Великой Отечественной войны сражался за свою Родину. Анатолий Кузьмич написал эту книгу в далекие 1984-1985 годы, передавая нам свои мысли, чувства и переживания, не подвергая их редакциям и правкам. Эта книга – его свидетельство, его личный взгляд на войну и победу над фашизмом. Читайте ее, чтобы услышать историю от того, кто прожил ее, прочувствовал своей кожей и душой, и чтобы передать ее будущим поколениям.

Содержание

ВОЙНА НАЧАЛАСЬ	5
ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ	14
В ТАШКЕНТЕ.	22
ЗАПАСНОЙ ПОЛК. ГУЗА	32
ЛЮБЕРЦЫ	38
СЕВЕРО – ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ.	42
ОРЛОВСКО – КУРСКАЯ ДУГА	49
ДНЕПР	58
РАНБОЛЬНОЙ.	67
ОТ КОВЕЛЯ ДО ВАРШАВЫ.	77
ДАЕШЬ БЕРЛИН!	87
ВОЙНА ЗАКОНЧИЛАСЬ.	105
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	112
ЭПИЛОГ	113

Анатолий Матюхин

Книга памяти.

Воспоминания солдата

Эта книга – уникальные воспоминания дедушки моего мужа, Анатолия Кузьмича Матюхина, который прожил всю свою жизнь на Украине, и в тяжелые годы Великой Отечественной войны сражался за свою Родину. Книга, написанная им от руки, хранится в двух версиях – на русском языке у его дочери, моей свекрови, в Таганроге, и на украинском у его сына, который живет в Харькове.

Именно желание сохранить и передать наследие деда, его рассказы о войне и о тех страшных временах, сподвигло меня на публикацию этой рукописи. Сегодня, когда история нашей страны подвергается переосмыслению и искажению, важно помнить истинные факты и подвиги тех, кто сражался за наше будущее.

Анатолий Кузьмич написал эту книгу в далекие 1984-1985 годы, передавая нам свои мысли, чувства и переживания, не подвергая их редакциям и правкам. Эта книга – его свидетельство, его личный взгляд на войну и победу над фашизмом. Читайте ее, чтобы услышать историю от того, кто прожил ее, прочувствовал своей кожей и душой, и чтобы передать ее будущим поколениям.

Людмила Скальт

ВОЙНА НАЧАЛАСЬ

Этот день помню, словно это было вчера. 22 июня 1941г. Харьков. Воскресенье. Выходной день. Я раненько поднялся, встретил на вокзале сестру Павлину, которая приехала из Краснокутска меня навестить. Мы посидели в скверике недалеко от Южного вокзала, поговорили. Я рассказал о своем студенческом житье-бытье, об экзаменах (в 1940 г., окончив Краснокутскую среднюю школу, я поступили в харьковский институт инженеров железнодорожного транспорта им. С.М.Кирова – ХИИТ) и как раз заканчивал первый курс. Мимо нас проходили люди: девушки, юноши, веселы, чем-то вроде озабоченные и в то же время как будто беззаботные, женщины и мужчины спешили каждый по своим делам.

Я проводил сестру к поезду, ей ехать до станции Водяная, а там еще добираться чем-то до Краснокутска. На вокзале, как всегда, человеческий муравейник-люди сновали туда-сюда, одни приезжают, многие на выходной день едут «на природу», в лес, к реке, в деревню к родным. Ни я, ни сестра, ни эти люди не знали еще, что там, на наших западных границах уже почти 8 часов идет война.

Посвистывая, в настроении 17-летнего юноши, желания и мечты которого пока что сбываются, возвращаюсь в общежитие. Небо ясное, нигде ни облачка, в небе – яркое солнце. На сердце легко. Сейчас приду в свою одиннадцатую комна-

ту в общежитии по переулку Кагановича, 10 (или еще его называли Леусовским). Общежитие – это недалеко от Южного вокзала, стоит возле железной дороги, есть и сейчас, после войны к нему пристроили корпус, и сейчас пойдем с ребятами в город. С улицы Свердлова сворачиваю в переулок. Что это? Вижу, возле открытых окон первых этажей домов группки людей по 3-7 человек. Непокойно екнуло сердце. Спешу к первой же группке.

–?

–Война. Немцы напали.

Было несколько минут после двенадцати.

Я подошел ближе к открытому окну и услышал из репродуктора голос Вячеслава Михайловича Молотова – народно-го комиссара иностранных дел. Он говорил, что сегодня, в 4 часа утра, немцы без объявления войны, нарушив договор о ненападении, начали военные действия на протяжении всей западной границы – от Баренцева до Черного моря, их самолеты подвергли бомбардировке Киев, Одессу, Минск и другие города.

Свое выступление В.М. Молотов закончил словами: «Враг будет разбит, победа будет за нами!» Я спешил в общежитие. Оно уже кипело. Не сговариваясь, большими группами, студенты двинулись в центр города. То в одном, то в другом месте стихийно возникали митинги. Я со своими товарищами Трофимом Рыбалко, Мишею Сотниковым и другими попали к Дому Красной Армии (здание это не сохрани-

лось, было разрушено в годы войны, а находилось невдалеке от нынешнего исторического музея). Общее настроение было: «Разобьем фашистов!». «Шапками забросаем!». Не знали и не могли даже подумать тогда, какой тяжелой и длительной будет война, через какие страдания, через сколько жизней своих сыновей и дочерей придется пройти народу нашему, чтобы дойти до 9 Мая 1945г.!

Я говорю: «Не могу подумать», ибо были уверены в могуществе нашей армии, в ее готовности дать сокрушительный отпор врагу, ибо ежедневно слышали и пели сами:

«Наша поступь тверда

И врагу никогда

Не гулять по республикам нашим!»

«Чужой земли мы не хотим ни пяди,

Но и своей вершка не отдадим!»

Да, мы воспитывались в патриотическом духе, и патриотизм был не с нами, а в нас. Знали ли мы, предчувствовали тогда, что будет война? Конечно, знать не знали, но, особенно после 1939г. Было тревожно. Не знаю, как это выглядело в официальных кругах и источниках. И было ли там что-нибудь тревожное. Но мне, как и подобным мне, еще, по сути, детям, тревога эта передавалась через потаенно-тревожные слухи, которые возникали и передавались тоже потаенно-тревожно. «А вы видели вчера на небе красные сполохи, словно от пожара?» «Говорят, на Луне видели изображение, как брат брата колет», «Говорят, ночью возле Харькова

в небе видели что-то написано» и т.д., и все это связывалось с войной. Думаю, народ в массе своей предчувствовал ее приближение. Люди не верили немцам, не верили в их верность договору о ненападении.

Последний раз в Краснокутске я был на Первомайские праздники 1941г. Помню, были в кино. Вышли – а небо на севере в невиданном в наших краях свечении. Официально было сообщено: северное сияние. И это истолковали люди как предвестник беды. Как известно теперь из официальных источников и документов, из различных направлений в высшие руководящие круги государства поступала достаточно убедительная информация о непосредственной подготовке Германии к войне против СССР, а Р. Зорге (наш разведчик в Японии) сообщил даже точную дату ее начала. Почему же тогда война застала нас плохо подготовленными, почему в первые полтора года мы потерпели такие поражения, такие потери? То, что я пишу, не историческое исследование. Я делюсь своими мыслями, впечатлениями. Историческая наука назвала причины, и все они верны: просчеты советского руководства в оценке военно-политического положения в мире, более выгодного положения фашистской Германии как агрессора; использование Германией экономического и военного потенциала многих государств Европы и др. Думаю, в дальнейшем нашему народу станут известными многие новые факты из предыстории войны, которые сейчас по тем или иным причинам остаются еще закрытыми.

Из того, что уже опубликовано, можно сделать вывод, что наше руководство и, в частности, Сталин, хотя и давали верную оценку фашизму, его приходу к власти, хотя и говорил об угрозе войны, до последнего момента не верил в то, что фашисты нападут на СССР. Конечно, тяжело было нашей стране, надо было решать многие задачи, задачи мирной жизни, мирного строительства. Мы еще сравнительно очень мало варили чугуна, стали, не говоря об алюминии, мало производили товаров для населения, мало имели электроэнергии. Простой пример: в Краснокутском районе до войны лишь в райцентре была небольшая электростанция, работающая на нефтяном двигателе. Она освещала лишь некоторые организации и учреждения. В основном везде- и в квартирах, и в школах, больницах были керосиновые лампы. В некоторых организациях, предприятиях были собственные «движки», которые давали энергию для нескольких десятков лампочек.

Могут возразить: это, действительно, так. Но ведь сумели же мы в очень тяжелых условиях и в очень короткие сроки наладить выпуск первоклассных танков, самолетов, пушек? Почему нельзя было сделать это раньше?

Я уже говорил о просчетах. Действительно, уже война в Испании (1936-1938 г.г.) показала отставание нашей военной техники. Но, мне думается, тогда не сделали нужных выводов. Только после войны с Финляндией (1939-1940) «стукнуло», но времени оставалось мало. К тому же внутри-

политическая обстановка в стране в связи с утверждением единоличной, практически и фактически ничем и никем не ограниченной власти Сталина была такой, что посмотреть правде в глаза, высказать ее было невозможно.

О Сталине, его окружении наши потомки скажут то, что они заслуживают. А заслуживает он, если ценить, как говорят, по большому счету того, чтобы прямо сказали, что Сталин – государственный преступник. В борьбе за утверждение своей единоличной власти с его благословения замучены, замордованы, физически уничтожены десятки (а, может быть, и сотни) тысяч людей, причем в большинстве своем это люди, преданные своей Родине, революционеры-ленинцы, талантливые ученые, писатели, артисты, композиторы. Проследите – все. Кто был близок к Ленину, все (или большинство), кто принимал участие в Октябрьском восстании, Гражданской войне (если они не умерли к 30-м годам), были репрессированы. Были уничтожены и талантливые военачальники (Тухачевский, Якир, Уборевич, Блюхер и др.), которые понимали, какой будет возможная война. Остались Ворошилов, Буденный – ничего не скажешь, смелые, мужественные, преданные Родине люди. Но как военачальники, они мыслили категориями первой мировой и гражданской войн, когда решающую роль в баталиях играли конница и пехота, а не танки, самолеты, пушки. Этим, между прочим, и объясняется их фиаско на постах главнокомандующих направлениями и командующих фронтами во время Великой

Отечественной войны.

А сколько ученых, конструкторов, в т.ч. и тех, кто работал в области военной техники, были уничтожены или находились в тюрьмах или «местах, не столь отдаленных»? Достаточно вспомнить судьбу всемирно известного ученого, академика не только наших трех АН, и многих зарубежных – Вавилова, который погиб в 1943г. в тюрьме. Из тюрьмы, после длительных хлопот, возвратили для продолжения работ над реактивными двигателями будущего Генерального конструктора ракет и космических кораблей С.П. Королева. Были репрессированные и среди позже достаточно известных конструкторов самолетов, пушек, реактивной артиллерии. Еще одно, чего нельзя забыть, простить, оправдать – репрессии проводились со средневековой жестокостью, т.к. бросали в тюрьмы, уничтожали родных, близких, друзей.

Сталин по природе своей, может быть, был и одаренным человеком, и в отдельные периоды борьбы партии за свержение самодержавия, власти капиталистов и помещиков, за построение нового общества сыграл определенную положительную роль. Но при всем при том, по моему глубокому убеждению, он был человеком малообразованным, с ограниченным общим кругозором, он не видел и не мог, очевидно, видеть тенденций развития как естественных, гуманитарных наук; к оценкам качественно новых знаний, открытий подходил догматически, но с претензиями «великого мыслителя».

В.И. Ленин не был ни физиком, ни химиком, но, когда

было сделано открытие в сложном строении ранее считавшегося неделимым атома, в частности, открыт электрон, и на этом основании некоторые философы стали утверждать, что «материя исчезла», пришел к выводу, что «электрон так же неисчерпаем, как и атом» и, как показало дальнейшее развитие науки, был прав. Сталин же объявил «поповщиной» генетику, лженаукою – кибернетику, грубо вмешивался в разработку вопросов философии, языкознания, экономической науки, истории... А что сказал Сталин – то было высшей истиной, иной быть не могло. Те, кто допускал сомнения, а тем более высказывал иные, чем у «вождя народов» взгляды, мысли – платились званиями, должностями, свободой, а нередко и жизнью. Это и привело к тому. Что в развитии важнейших наук, важнейших направлений в науке и технике на долгое время было искусственно заморожено.

Подобное было и в военной науке и технике. Возможно, в значительной степени поэтому мы встретили войну фанерными самолетами (И-15, ТБ и др.), маломощными танками, такими же пушками («сорокапятки»-прощай жизнь – называли их артиллеристы). Мужественно, на грани человеческих сил и возможностей, а то и за ней, сражались наши бойцы. «Летчики у вас отважные, да самолеты бумажные», «Русские дамочки, не копайте ваши ямочки (т.е. противотанковые рвы), все равно наши таночки перепрыгнут ваши ямочки» – бросали немцы листовки. А как же во время войны? «Сталин- творец победы! Сталин – творец победы! Ста-

лин – величайший полководец всех времен и народов!»?

Нельзя не согласиться, что большую роль сыграли его организаторские способности, его сильная воля, а, возможно, в тех условиях и жестокость. И все же главное, мне кажется, не в личности, а в имени «Сталин», которое воплощало партию, которое для наших бойцов было синонимом слова «Родина». А творцами победы была партия (и это не для красного словца, не дань риторике, а мое глубокое убеждение), наш советский народ, новое поколение военачальников, которые выдвинулись в основном входе войны. Заслуга Сталина в том, что он понял требования современной войны, понял, что время военачальников времен Гражданской войны закончилось, хотя рецидивы волюнтаризма нередко проявлялись (трагедия Юго-Западного фронта в 1941 г., ошибочная оценка стратегической обстановки на 1942 г. и, как следствие, прорыв немцев к Сталинграду. Хотя Генштаб в обоих случаях события предвидел верно и докладывал Сталину).

ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ

На второй день, 23 июня, сотни людей, в т.ч. студенты, среди которых был и я, были возле военкоматов, все просились записать добровольцами. Нам сказали: позовут, когда нужно будет. Студенты нашего железнодорожного института пользовались броней. Мы должны учиться –т все пошли работать на различные заводы, заменив призванных в армию запасников. Я работал на заводе им. Т.Г. Шевченко на шлифовочном станке. В мирное время этот завод выпускал, если мне не изменяет память, машины для текстильной промышленности. Мы делали детали для танков. В частности, я на своем станке шлифовал зубчатые кольца для механизма сцепления танков. Днем работали, вечером – лекции, сдача экзаменов. На каникулы домой уже не ездил. И некогда было, и, честно говоря, боялся, чтобы не прихватили немцы. О том, чтобы остаться на оккупированной территории – такая мысль даже в голову не приходила, я не мог себе этого представить. Хотя в Краснокутске были мама, сестра, младший брат Виталий. У моих товарищей по комнате настрой был такой же, как и у меня. Хотя объявился в нашей комнате один (а нас было 12 человек), не помню, то ли из Черниговской, то ли из Хмельницкой обл., (фамилии не помню), сказал, что пойдет домой, навстречу немцам. На наши угрозы отказаться от своего намерения он сказал, что в звер-

ства немцев он не верит, что коммунизм – то сказки и др. Только позже до меня дошло, какими мы были доверчивыми и наивными. Мы не допускали мысли о подлости, предательстве, когда речь шла о Родине, о своем народе. А он же ушел к немцам, и, возможно, стал служить им. Да, предатели, подлые люди были.

Кто они? До войны было распространенным, поддерживаемым официально, мнение о том, что только* «обиженные» советской властью люди, выходцы из дореволюционных заточных слоев населения – это или явные, или скрытые, или потенциальные «враги народа». Как показала война, слишком уж примитивный это взгляд на природу патриотизма и предательства. (К сожалению, именно такой взгляд был в значительной степени как бы «теоретическим» обоснованием репрессий против многих талантливых, преданных народу людей – выходцев из дореволюционной интеллигенции, из кругов помещиков, буржуа – в период культа личности Сталина).

Война показала, кто есть кто. Хотя и после войны еще были репрессии, еще было подозрительное отношение к тем, кто был репрессированным, к детям т.н. «врагов народа», хотя они на фронте честно выполнили свой долг. Можно назвать много примеров, когда, с одной стороны, выходцы из зажиточных классов, бывшие царские офицеры и даже репрессированные при советской власти мужественно. Героически защищали Родину, были удостоены высоких зва-

ний и наград (генералы Карбышев, Горбатов, маршал Рокоссовский и др.), и, с другой стороны, выходцы из трудящихся классов, люди, которые при советской власти занимали высокие должности, становились предателями (ген.Власов и др.). Я назвал известные имена с «верхов», но ведь подобное было и в низах. Была же РОА (Русская освободительная армия) – власовская армия, и в ней были не только (а может, и не столько) сыновья капиталистов, помещиков, купцов, кулаков... Если подходить с такой меркой, то получается, наша семья должна бы была с радостью встречать немцев-«освободителей». В самом деле: отец наш в 1929 г. был раскулачен, а в 1935 г. был осужден на 8 лет как «враг народа», хотя ни кулаком, ни тем более «врагом народа» он никогда не был. Отец – Кузьма Устинович, как и мать – Марина Алексеевна – были плоть от плоти своего народа, были всю жизнь честными тружениками. Такие черты – честность, любовь и уважение к людям, к труду, к своей Родине – они воспитали в нас не словами, а всей своей жизнью, своими делами. А нас было пятеро: четыре брата и сестра. И никто из нас не запятнал себя перед людьми, для нас было естественно быть со своим народом. С первых дней войны, мы, три старших брата (Владимир – 1910г.р.), Григорий (1917 г.р.) и я (1923г.р.) были в Красной Армии, на фронте. Виталий (1925 г.р.) был призван в 1943г. Гриша, лейтенант, командир арт-взвода, погиб 10.02.1943г. на Карельском перешейке, Виталий погиб в декабре 1943г. неизвестно где и как. Я и Володя

(в звании капитана), пройдя войну, возвратились домой, оба награждены многими боевыми орденами и медалями. Мама и сестра оказались на оккупированной территории, над ними издевались фашистские прихвостни – «наши» за то, что мы были в Красной Армии. Отца я увидел через 12 лет, когда вернулся из армии (не видел с 1934 по 1946г.). Даже возвратившись из ссылки, он похвально отзывался о советской власти, о развитии Советского Союза, а о Сталине еще при его жизни говорил, что это явление преходящее, что это – борьба за единоличную власть.

Ну, это так, к слову, «лирическое отступление». А немцы, между тем, приближались к Харькову. Почти каждую ночь взывали сирены воздушной тревоги. Мы дежурили на крыше и на чердаке общежития: немцы бросали много зажигательных бомб. По тревоге по внешней пристенной лестнице мы выходили на крышу. Вообще-то высоту я переношу плохо и, когда днем взгляну, где я поднимался – страшно: общежитие было четырехэтажным. Но в часы тревоги о страхе не думаешь. Правда, спасала от этого страха и темнота, не видны ориентиры, которые бы показывали высоту, а вниз старался не смотреть.

*Я написал «только» – это неверно. Не только этих объявляли «врагами народа». В такую категорию могли попасть и попадали без разбора все за малейшую мелочь, по поводу какой-нибудь бессмыслицы, навета, клеветы. Горбатов в своей книге «Годы и люди» рассказывает о таком случае уже по-

слевоенных лет: улицей села шел участник войны, партизан, увидел на сельсовете выцветший, уже почти белый, флаг. Он стал срамить работников сельсовета: «Что же это вы белогвардейский» флаг повесили? И т.п. Его обвинили в том, что он сельсовет назвал белогвардейским учреждением. Дали 8 лет. Еще до войны слышал рассказ: арестовали машиниста паровоза, старого кадрового рабочего, большевика. Он возмутился: «За что? Мне поручали самые ответственные дела. Я даже правительственный поезд в 1918 году вел.». Уточнили, когда это было, обнаружили: так ты же Троцкого вез, врага народа, и посадили! Не берусь утверждать историческую достоверность факта, но что такое могло случиться и случилось – не сомневаюсь.

Подходил к концу сентябрь 1941 г., бои уже недалеко от Харькова. Наш институт эвакуируется в Ташкент. Уже отправлены эшелоны с оборудованием, библиотекой, уехала часть студентов, в основном, старшекурсники, преподаватели. Всем остальным студентам выдали проездные билеты, стипендию, рассчитали на заводе и сказали: «Добирайтесь, кто как сможет, в Ташкенте на вокзале вас будет ждать представитель института». Вещи свои мы приготовили, чтобы в любую минуту могли их взять. Да и какие вещи? Чемодана у меня не было, вещевые мешки или другие какие-то саквояжи тоже не были распространены. Вложил все то, что у меня было, в две небольшие сумки, связал обе бечевкой, чтобы удобно было перебросить через плечо. Сунулись на вокзал –

билетов нам никто не компостирует, народа везде полно.

4 октября, где-то часа в 3 или 4 дня после очередной неудачной попытки закомпостировать билет я возвращался домой. На входе в общежитие встретил группу ребят, человек 5-6 с вещами.

–Толя, давай с нами, поехали в Ташкент!

–Чем?

–Сейчас поезд идет, Харьков-Горький.

–Подождите. Сейчас сумки свои возьму!

Быстро взбежал на второй этаж, схватил торбы и присоединился к группе. Общежитие наше находилось возле самых ж/д путей, мы спрыгнули с опорной стенки и направились к платформам вокзала. Нашли поезд. Но в вагоны нас не пускают – билеты не закомпостированы. В конце концов кто – воспользовавшись зевком проводника, кто – через «гармошки» между вагонами, мы все же пробрались в вагоны. Пристроился сначала в тамбуре, а потом – на своих оклунках и в коридорчике вагона. Ни прилечь, ни нормально сесть, ни даже свободно постоять негде, все забито вещами, людьми (правда, вещами больше). Не помню, сколько ехали, но хорошо помню, что это было поздно вечером, сеял мелкий холодный осенний дождь, прибыли мы в Пензу, где надо было делать пересадку. Наших, институтских, на вокзале собралось немало, отправлять их никто не отправлял, никто толком не знал, к кому обратиться, что делать. Послывшись, решили: ехать! Прибыл поезд Москва-Ташкент. С

ребятами договорились: рассредоточиться, в одиночку легче где-нибудь втиснуться. Трое пошли на противоположную сторону состава, один – в хвост, а я –впереди. Попытки упростить проводников ни к чему не привели. Поезд стоял долго, часа 1,5-2.

Ночь. Дождь. Холодно.

На мне потертая кожаная тужурка с братового (Гришиного) плеча, такие же ношенные парусиновые туфли. Поезд отправляется. Пропускаю 2-3 вагона и уже на ходу цепляюсь за поручни ступенек и таки вскакиваю на них (ступеньки у вагонов тогда были снаружи, стационарные, не убиралась). Привязал сумки, крепко охватил рукою поручень, сел на верхнюю ступеньку спиной к направлению движения поезда. Продувает насквозь, временами дождь сменяется мокрым снегом. На каждой остановке соскакиваю и снова жду, пока поезд начнет движение. Наконец, где-то под утро проводник пожалел: впустил в тамбур, а затем и в вагон. Я устроился на третьей, верхней полке (это которая для вещей), это уже то, что надо, главное, тепло, можно поспать.

Прошли Куйбышев, Оренбург, поезд шел на Юг, заметно теплело. В Аральске было уже и вовсе тепло, поезд стоял долго, возле вагонов много продавцов рыбы. И я купил большего, килограмма на 2 леща, копченого, жирного. Разрезал, жир по пальцам течет... Сейчас такое – мало исполнимая мечта! Дальше поезд пошел казахской степью. Часто и подолгу стояли на разъездах, пропуская попутные сани-

тарные поезда с ранеными, встречные воинские эшелоны с техникой и людьми. Во время остановок высыпали из вагонов, смотрели на непривычные для нас картины безбрежной степи с перекасти-полем, колючками, пожелтевшей травой. Много сусликов, они свечками стояли в поле, вдали от колеи, очевидно, наблюдая, кто нарушил их покой. Раза два вместе с нашим составом стоял ХИИтовский эшелон, я встретился с товарищами, которые ехали в нем, возле нашего эшелона варили картошку, устроили общий «банкет». У казахов покупали сыр, брынзу. Правда, охотнее они меняли это на чай, мыло. Но этого и у нас было немного. Питался продуктами, которые купил еще в Харькове, да кое-что покупал. Ехали долго. В Ташкент прибыли 14 октября. 24 октября 1941г. немцы захватили Харьков.

В ТАШКЕНТЕ.

Ташкент встретил нас теплом, солнцем, зеленью улиц и скверов. На вокзале нас встретил преподаватель института и провел нас в общежитие. Это был небольшой домик (говорят, была начальная школа) на окраине города в зеленом двореке. Эта окраинная улица была застроена поселенцами из Украины, российских областей. И усадьбы были похожими на наши: добротные дома-избы, побеленные, со ставнями; ухоженные сады, виноградники. Вдоль улицы журчал арык, от него в каждый двор отходил канальчик для пуска воды, в обычное время перекрытый задвижкой. Когда надо было пускать воду для полива, задвижку подымали.

Сразу за оградой нашего дворика было наливное озеро – запомнились глинистые, отшлифованные голыми телами берега почти без растительности, рыжеватоглинистая, всегда теплая вода. Нас мучила жара, мы двигались, словно вареные. Ни ветерка, ни облачка, только бледная голубизна неба и палящее солнце на нем. Вечер не приносил облегчения. За день все – глинистая почва, асфальт, строения – накалялись на 40градусной жаре, вечером тепло отдавалось воздуху. Не спасало и озеро. Там, в Ташкенте, я понял, что холод можно победить движением, работой, истопить печь; от жары спасения не было нигде!

Занятия начались в помещении ТашИИТУ (Ташкентский

институт инженеров транспорта). Пока еще война на Ташкенте не особенно сказалась: карточной системы не было, цены на рынке невысокие. Мы ходили на так называемый Госпитальный рынок. Нас удивляло. Что торговали в основном мужчины. Много фруктов, овощей: виноград, яблоки, груши, гранаты, орехи, дыни, арбузы. Виноград, помню, был по 2р./кг (обычно, говорят, цена ему была 20-50коп. /кг – это в довоенных денежных единицах). Южный рынок... Трудно передать его размеренный, деловой гул, неповторимый букет запахов южной снеди, жужжанье пчел возле двухколесных арб с виноградом и другими дарами природы, истошные крики ишаков.

На рынке мы бывали часто, деньги у нас на первых порах были, и мы лакомились виноградом, гранатами, орехами – все это в наших краях тогда было редкостью.

Но скоро и здесь начала сказываться война: была введена карточная система, цены быстро росли. Мы получали 400 г хлеба в день. Сейчас это много, мало кто съедает столько. А тогда... Если учесть, что не только ведь хлеб по карточкам – и крупа, и жиры... Съел в обед суп, в котором пшенина пшенину догоняет- вырезали талон на крупу; съел ложку каши, побрызганную несколькими каплями хлопкового масла – еще вырезали талон на масло, и т.д. У нас, студентов, благодаря сердобольности официанток, талоны и на хлеб, и на крупу были вырезаны на много дней вперед. Конечно, на стипендию (тогда 130р. – сейчас 13р.) было не прожить. По-

что все мы работали – не на постоянных работах, а на «заработках». Помню, поздно вечером в общежитие пришел человек с паровозоремонтного завода, который находился недалеко от нашего общежития.

–Надо разгрузить вагон угля. Кто пойдет?

–Почем?

Два рубля за тонну.

Мы не знали тогда ни расценок, не знали, что можно и поторговаться. Получить 100р. – это, казалось нам, большие деньги. Пошли вчетвером. Вагон – пульман, 50 тонн. Сначала кидали быстро, шутили. Но чем дальше – уже изредка перебрасывались словцом, а потом, когда уголь ближе от двери выбросили и продвинулись вглубь вагона – только сопели. Последние тонны уже не выбрасывали, а сунули к двери едва не карачках. К утру закончили и буквально свалились без сил. Больше на разгрузку угля мы ходили. Студенты создали бригаду, которую возглавил Трофим Рыбак (он был старше нас на несколько лет). Мы перевозили из товарной станции эвакуированное оборудование института и устанавливали его в отведенных помещениях? Делали фундаменты под станки, устанавливали и закрепляли их. Командовал всей этой работой заместитель начальника института по хозяйственной части Ростовцев.

Позже наша бригада подрядилась на другую, более выгодную, работу. Мы вывозили сухари из пекарни на товарный двор, а оттуда везли в пекарни муку, сахар.

К весне 1942г. нас перевели в другое общежитие – помню длинное двухэтажное помещение, к нему непосредственно примыкало помещение пекарни. Мы жили на втором этаже, в комнате человек 18. На лекции в институт ходили «по желанию», много пропускали – работали, а то и просто «сачковали». В моде была игра в очко – хотя играли на небольшие деньги, ставка 10-20 коп., чтобы быстрее проходило время. Бывало и такое, что просиживали и день, и ночь. В те времена и официально разрешалось пропускать до 1/3 занятий. Пропускал и я, так как работал на вывозке сухарей – это занимало трое-четверо суток подряд. Вывозили трамвайными вагонами, в сцепке 3-4 вагона. Сухари грузить было легко, они паковались в стандартные бумажные мешки по 23 кг или в мешки из мешковины по 35кг. Неудобство заключалось в том, что вагоны были пассажирские, с сидениями и всем тем, что имеется в таких вагонах. Голод – не свой брат – мы умудрялись «умыкнуть» десяток-другой сухарей. Правда, как говорят, аппетит приходит во время еды. Сначала засовывали в карманы по 2-3 сухаря, потом – в портфель или сумку по 2-3 десятка, а позже на компанию брали и мешочками: это, как правило. Ночью, когда трамвай проходил возле общежития. Тот, чья очередь была нести сухари, становился на подножку, ему подавали мешок, против общежития он соскакивал и относил в комнату. Там рассовывали в тумбочки, в шкафы для одежды. Боялись, конечно. Но много мы не брали, не для обогащения – поесть. На рынке иногда меняли – за

один сухарь пол-литровая банка молока, здесь же и пили. На пекарне вдоволь ели свежий, из печи хлеб. Однажды наелся так, что потом дней пять на хлеб смотреть не хотелось – поправилась моя хлебная карточка.

Тяжелее было с перевозкой муки и сахара. Ну, мука еще куда ни шло – мешки по 64кг, сравнительно легко нес на плечах. А вот сахар был в мешках по 90 или 100 кг. Грузили на трамвайные платформы, несли по трапам. Положат тебе на спину мешок сахара, идешь и дрожишь, как бы он, не дай Бог, не сдвинулся хоть чуть-чуть в сторону – тогда не удержишься, придется или мешок бросать, или сам с ни полетишь. Идешь по трапу, с трудом переставляя ноги, коленки подгибаются. Особенно трудно, бывало, когда мешки с сахаром побывали где-то под дождем, сахар цементировался, словно камень, который стокилограммовым весом давил на костлявый хребет.

Сахар мы также умудрялись «умыкать». Когда грузили, на платформе мешки клали так, чтобы образовался «колодец». Когда трамвай выходил из товарного двора, один из нас чья (очередь), влезал в колодец, втыкал в мешок тонкую дюралевою трубку (ее заранее прихватывали на товарном дворе, куда привозили обгоревшие, покореженные останки наших и немецких самолетов – на металлолом), и по этой трубке, надавливая на мешок, «нацеживали» кг 3-4 сахара, обычно в портфель.

Однажды на этом я попался. Была моя очередь. Я все

сделал, выбрался на заднюю площадку платформы. За нашим грузовым поездом шел пассажирский трамвай. Возле вагоновожатого я увидел молодого человека, который внимательно смотрел на наш трамвай. Екнуло сердце, что-то подсказывало: следит за нами. И все же в центре города я соскочил с подножки. В руках у меня был портфель. Заметил, что и тот соскочил, пошел за мной. Я вошел в подъезд какого-то дома, притаился за дверью. Через минуту и он здесь.

–Что в портфеле?

–Книги.

–Не морочь голову, показывай!

Делать нечего, открыл.

–Что же ты такими делами занимаешься?

И тут я начал мямлить, что это первый раз, что тяжело, мы эвакуированные, ни родных, никого нет, стипендия маленькая, на карточки тоже получали мало, помощи ниоткуда и т.д., и т.п.

–А откуда ты эвакуированный?

–Из Харькова, ХИИТовец...

–Из Харькова? – посмотрел, а мой вид – полная покорность и наивность.

– Ну, хорошо, – протянул, – счастье твое, что и я из Харькова, земляки. Иди, да больше такими делами не занимайся.

Зима в Ташкенте мне не понравилась. Где-то в ноябре-декабре начались дожди, ветры – похоже на нашу позднюю осень с промозглыми мелкими холодными дождями. Первый

снег выпал 15 января, продержался полдня. И снова холодные дожди, мокрый снег. Но уже в феврале потеплело, в марте – тепло, в апреле уже жарко. Появились первые фрукты – урюк, вишни; овощи – огурцы, помидоры, зелень. Растет все, словно из воды лезет. Да так оно и есть: ведь солнца много, а вода в арыках. Молить Бога о дожде здесь нет необходимости. В самое жаркое время дня узбеки сидят в чайхане на коврах, пьют чай.

В апреле или мае нас, студентов, на неделю направили на строительство (вернее, на копание) Северо-Ташкентского канала. На участке, где мы работали, канал был уже вырыт на глубину метров 6. Все работы вручную, никаких машин и механизмов. Грунт тяжелый – глина. Кетменями, кирками долбили глину, лопатой накидали в мешок. А что «накидали»? Кинул лопату и уже достаточно, еле тянешь. Или в при-тороченный на спине лоток – и по вырубленным в наклонной стенке ложа канала лезешь наверх. Народа, словно муравьев, подобно им и работали: там долбят, копают, набрасывают, и на дне будущего канала, на его склонах – нескончаемый поток людей с мешками, лотками на спинах. К вечеру ты уже словно не ты: все тело ломит, ноги в коленках не держат. Но лозунг «Северо-Ташкентский в кратчайший срок!» подгонял всех, ибо понимали: фронту нужен хлеб. Спали здесь же, возле канала, в степи.

Между тем приближались экзамены. Я, несмотря на все, старался посещать лекции, выполнять лабораторные, сда-

вать зачеты. Позади уже три сессии, на всех на них я сдавал экзамены «на стипендию». Для того, чтобы получать стипендию, надо было иметь 2/3 оценок отлично, остальные не ниже четверок. Такой порядок был введен в октябре 1940 г. Тогда же была введена и плата за обучение в институтах. Помните, многие студенты оставили институт сразу же после публикации Постановления Правительства, так как достатки в семьях были небольшие, большинство студентов жили только на стипендию. Я не вылетел только потому, что был принят в институт с аттестатом отличника, стипендию таковым оставили до результатов первой сессии, от платы за обучение эта категория студентов также была освобождена.

Правда, на первой сессии в январе 1941г. едва не случилась катастрофа. Экзаменовались 4 предмета. Три выдержал на 5. Четвертым был экзамен по аналитической геометрии. Принимал доктор наук, профессор Левитан. Попалось что-то такое, в чем я здорово запутался, в голове – весьма туманное представление о том, о чем спрашивалось в экзаменационном билете.

–Тройка – сказал профессор и взял зачетную книжку, открыл, посмотрел в книжку, потом на меня, повертел в пальцах ручку и поставил оценку. Я взял и поплелся из аудитории, только в коридоре посмотрел в разворот. Против аналитической геометрии стояла четверка. Наверное, увидел, понял профессор, что запутался я случайно. Благодаря этому, остался я в институте. И часто думаю: поставь он тогда трой-

ку, совсем по-иному сложилась бы моя жизнь, а, возможно, и складываться было бы нечему. Вместе со мной в комнате жил Митя Ковров, из Башкирии. Маленький, краснощекий, застенчивый – мы все его любили. Был он товарищеский какой-то, незащищенный и умный – всем нам помогал, если кто-то чего-то не «второпав» по математике, либо сопрома-ту, либо по другому предмету. До слез было его жаль, когда он вынужден был бросить институт после первой сессии: по двум предметам ему поставили четверку. Он прощался – тоже слезы на глазах, очень уж хотелось ему учиться.

В июне начались экзамены. Я сдал экзамены по основам марксизма-ленинизма «4», немецкому языку – отл., зачет по общему курсу железных дорог.

14 июня 1942г. я был отчислен из числа студентов в связи с призывом в Красную Армию. Помню зеленый двор Ленинского военкомата в Ташкенте. Мы, новобранцы, с котомками. Здесь же, в Ташкенте, принимали воинскую присягу. Подошел день отправки. Друзья в чайнике принесли вино, выпили по стакану. Потом нас построили в колонну и повели на станцию. Рядом со мной шли, провожали Трофим Рыбак, Игорь Мезенцев, Мария Сибилева и еще несколько человек т- фамилий не помню. Влезли в «телячьи вагоны», поезд отправился.

–Прощай, Козьмич! – так меня ребята кликали – махал рукой Трофим.

Эшелон отстукивал километры через казахские, орен-

бургские степи. Питание было организовано на так называемых пересыльных пунктах. Эшелон останавливался на 1,5-2 часа, и все спешили к кухням-столовым.

ЗАПАСНОЙ ПОЛК. ГУЗА

Попал я в 11-й запасной стрелковый полк, дислоцированный в так называемых Суслонгерских лагерях, недалеко от Казани. Лагеря располагались среди лесов, окруженные густым лесом, кустарниками, болотами. От железной дороги к лагерям подходила узкоколейка, здесь, в этом районе, заготавливали лес, по узкоколейке вывозилась древесина.

Здесь, в лагере, нас, всех призванных и мобилизованных, должны были готовить к действиям в бою. Однако, не припомню, чтобы чему-нибудь подобному нас учили. Пробыл я в запасном полку недели две. И все эти дни мы километра за два из лесу на плесах носили сосновые жерди, укрепляли стенки траншей, отрытых в песчаном грунте. Правда, несколько раз проводили занятия – учили наносить штыковые удары. На деревянных подставках устанавливали небольшие – размером бюста человека – щиты, плетенные из лозы. Сержант показал, как делать выпад ногой, одновременно энергично посылая штык в щит, быстро выдернуть его, перебежать к следующему и тоже нанести удар. Слышались команды: «Раз-коли! Два – коли!» Ни тактических учений, ни упражнений по стрельбе не было. Ну, мы, которые помоложе, в школах держали, стреляли хотя бы из мелкокалиберок, а ведь в запасном полку было много людей постарше, которые не знали даже, как открыть, закрыть затвор, за-

рядить винтовку.

Однажды на вечерней поверке прозвучала команда:

–Кто имеет среднее образование – три шага вперед – марш!

Из строя в несколько сотен вышло нас, если память не изменяет, человек 14-15. Нас собрали, сказали, чтобы завтра утром мы явились в штаб полка. Нам ничего не сказали, выдали продукты – сухой паек на 2 дня, и сопровождающий повел нас к платформе узкоколейки. Уселись на бревнах, так доехали до станции, затем пассажирским поездом до Казани. Здесь узнали, что нас направляют в Горьковское училище зенитной артиллерии (ГУЗА). По дороге в Горький наш поезд (мы ехали нормальным пассажирским поездом, чувствовали себя более-менее свободными) то догонял, то пропускал эшелон с нашими солдатами из 11 ЗСП, которые направлялись под Сталинград. Там в это самое время (лето 1942г.) шли тяжелейшие, кровопролитные бои. Позже я не раз думал о том, что, возможно, училище тогда прибавило мне несколько шансов остаться в живых.

Училище размещалось на окраине города –вверх от Волги, мимо Кремля, кажется, недалеко от оперного театра. Занятия проходили с утра до вечера. Рано утром, в 7 часов, команда:

–Подъем!

Летели вверх одеяла на двухъярусных койках, мы соскакивали и старались побыстрее одеться. Особенно много хло-

пот было с обмотками: в спешке они вываливались из рук, раскатывались на всю свою почти двухметровую длину под мою и соседнюю койку. Хватал их, снова наспех скручивал, а надо же еще обмотать ногу. Не так заложил конец – сползают по ноге, снова надо перематывать. Особенно плохо было тем, у кого тонкие голяшки: обмотки на них еле держатся. А старшина выдает уже новую команду:

–Становись! – опоздал – наряд вне очереди. Как правило – это мытье полов в казарме, и не в учебное время, а после отбоя или перед подъемом.

И все же, пока было тепло, можно было терпеть. Хотя, правда, питание – неважное, наверное, по минимальным армейским нормам. Единственно более-менее калорийные вещи, которые получали, кусочек американской колбасы в супе на обед, 20 г сахара, 20г масла, которые мы получали во время завтрака.

Из расположения училища в город не выпускали, увольнительных не давали. В город могли попасть только во время патрулирования. Патрулировали на улицах, но чаще на вокзале. Там помогали и порядок поддерживать: народу много, движение поездов не регулярное, каждый вагон прибывшего поезда люди с мешками, чемоданами, котомками брали штурмом. Мы выкраивали время, чтобы окунуться в Волге. Но на патрулирование в город попадали не часто. Я, мне помнится, был один или два раза.

Чаще несли внутреннюю караульную службу: на проход-

ной, возле пушек, складов и других объектов. С приходом осени своей очереди в караул ожидали с нетерпением. Дело в том, что километра в 1,5-2 было колхозное поле, где были бурты с морковкой. Ночью ребята из так называемой бодрствующей смены (порядок караульной службы был такой: весь состав караула разделялся на три равные группы: одна – на постах; вторая – отдыхает; третья – тоже отдыхает, но не спит, в караульном помещении, готовая к немедленным действиям – «бодрствующая») шли на это поле, приносили морковь. Лакомились здесь же. Прихватывали «про запас». Были, конечно, и в училище «хозяйственные ребята» – обменивали на табак. Табак для курцов был проблемой. На паек получали мало, на рынке – 70р. стакан, а где брать деньги? Мы их не получали. В училище меняли – спичечная коробка табака – пайка хлеба, или сахара, или масла. Я тогда не курил, но и не менял, отдавал друзьям. Иногда на занятия выходили из расположения училища в овраги, долины. Там росла капуста. Кто-нибудь выскакивал из строя, вырывал головку и уже весь строй «шинкует» ее. Никогда не ел такой капусты: сочная, прохладная, сладкая.

Училище имело свое подсобное хозяйство километров за 20 от Горького, туда добирались на катерах. Прекрасная местность: хозяйственные постройки, казармы; поля гречихи, овса среди березовых рощ, лесков. Где-то с неделю была там и наша батарея. Я научился косить: косил гречиху, овес. Был пильщиком: из толстых бревен пилили доски. Сто-

ял внизу, наверху стояли не курсанты, очевидно, наемные плотники. За день уставали, вечером падали, словно подкошенные.

Прошли лето, осень. Начались холода. В казармах холодно, в аудиториях тоже, чернила покрывались ледяной коркой. Одеты мы в старенькие шинельки, т.н. «БУ» – бывшие в употреблении. Училище на окраине, на бугре, всем ветрам открытое. Стоишь на посту или на занятиях возле пушек – насквозь продувает. И какая-то дуристика – даже если у кого что поддеть под шинельку – не разрешалось.

А то бывало ночью: «Подъем!». Быстро одеваемся – пришли по Волге баржи с дровами. Идем разгружать. Помню такую ночь. Холодный ветер с осенним дождем. Пока брали верхние бревна хоть воды не было, а дальше в барже бревна в воде, скользкие, тяжелые, руки задубевают на холоде, ноги скользят, все мы мокрые. Несем на берег по трапу колоду вдвоем, втроем, а то вчетвером. Час-другой отдохнули – и снова на занятия: материальная часть – зенитные пушки калибра 85мм, приведение их в боевое, походное положение, разворачивание всего комплекса пушки ПУАЗО («пункт управления артиллерийским зенитным огнем»).

Но даже сокращенного курса училища закончить не удалось. 31 декабря 1942г. нас, человек 100 (а может, и больше) курсантов вызвали в штаб, выдали красноармейские книжки – и на вокзал, к поезду. Куда? «Зачем?» —никто ничего не говорит. Новый, 1943г. встретили в дороге, в вагоне поезда.

Были среди нас ребята из тех мест, по станциям определили:
едем в направлении Москвы.

ЛЮБЕРЦЫ

Так и есть: утром поезд прибыл в Москву, на Казанский вокзал. Построились, пошли пустыми улицами города. Хотя, виноват, не совсем пустынными: в небе висели аэростаты-заграждения, сейчас их лебедками убирали оттуда, тянули вниз, и эти громадные сигары плыли улицами в свои убежища до вечера, чтобы вечером поднять снова туда, в небо. Мы пришли на Павелецкий вокзал, оттуда – на ст. Люберцы. Там формировались воздушно-десантные гвардейские дивизии. Определили меня в артиллерийский полк, во взвод управления – командиром отделения связи. Это был 1-й гвардейский артполк 4-й воздушно-десантной гвардейской дивизии.

После училища жизнь здесь была куда лучше: нас хорошо, тепло одели, питание – по высшим армейским меркам, живем в комнатах бывшего рабочего общежития, отапливаемся самостоятельно – буржуйками – тепло! В первые дни довольно свободный режим: еще только идет формирование подразделений личным составом. Ни тебе подъемов, ни тебе отбоев, отсыпаемся, отъедаемся. Но вот постепенно и здесь устанавливается воинский порядок: подъем, зарядка – на свежем воздухе, умываемся в прорубях на речушке, которая здесь течет, а то и просто снегом.

Начались полевые занятия. Наша задача – прокладывать

кабельные телефонные линии, дежурство возле телефонов на НП (наблюдательный пункт), КП (командный пункт), на огневых позициях батарей. Вроде бы ничего, можно служить. И только когда вступили в бои, часто вспоминал «добрым» словом того, кто посоветовал идти в связисты: «А что там? Протянул линию и сиди себе в блиндаже или окопе». Не знаю, в какой связи он был, а нам доставалось: нацепишь на себя катушки 3, а то и 4, телефонный аппарат – и тянешь, катушка поскрипывает («скоро-вся» – шутя кликали нас, связистов, имитируя звук катушки), надо тянуть пригнувшись, а то и ползком, ведь и снаряды рвутся, и пули свистят, а хотя и затишье – все равно нельзя ведь демаскировать расположения, немцы наблюдают за всем. Наклонишься – катушки и аппарат свисают, еще сильнее прижимают к земле, бьют по коленкам, а тут еще шинель – полы ее путаются под ногами. Спотыкаешься, шлешь проклятья и катушкам, и шинели. Я уж не говорю о том, когда приходится тянуть линию по-пластунски.

...Но все это будет потом. А сейчас – учимся. Кроме всего нас учат и парашютно-десантному делу. В громадных пакетах 4учат складывать парашюты: каждый боец на тренировочные прыжки складывал парашют себе сам. Из «Дугласа», поднятого над поверхностью метра на 3-4 прыгали, учились приземляться. Подошла очередь нашего дивизиона прыгать с парашютами. Первые прыжки делали с «колбасы» – это аэростат, к которому подвешивалась кошелка для

4-х человек: 3 солдата и инструктор, которого на солдатском жаргоне именовали «вышибалой». Большое заснеженное поле. Вошли в кошелку. Лебедка отпускает трос, аэростат поднимается.

Страшно, стараюсь не смотреть вниз, кошелка раскачивается. Душа, как говорят, в пятках, но нужно держаться – я солдат. Не помню, чтобы когда-нибудь, даже в атаках, под обстрелом, я вот так, прямо-таки физически, испытывал страх. Держусь изо всех сил. Высота 400м. «Пошел!» – инструктор слегка подталкивает, мы летим вниз. Раскрывался парашют принудительно, опомнился после резкого толчка – над головой взвился купол парашюта. Приземлился благополучно. Еще два прыжка – один днем, второй – ночной, но уже из самолета. Немного легче, так как больше нас, солдат (чел. 25). Не так сильно болтает, и все как – будто в помещении, нет ощущения высоты. С прыжком не задержишься: вытяжные фалы зацеплены карабинами за трубу, которая укреплена вдоль борта самолета (подобно трубе для рук в трамвае или троллейбусе). Самолет идет ввысь, ложится на курс, сигнал, инструктор открывает бортовой люк, и мы один за другим, продвигаясь вдоль борта, ныряем в пустоту. Вытяжной фал выдергивает вытяжной парашют, и открывается основной парашют. Когда на высоте, кажется, что спускаешься медленно. Но чем ниже – земля приближается быстрее. Главное теперь правильно приземлиться и «погасить» парашют. Все мои прыжки прошли благополучно. Бывали и тра-

гические случаи. Говорят, до войны парашюты укладывали специальные команды. Теперь же каждый укладывал свой, вернее, для себя парашют, с которым будешь прыгать. Молодые, неопытные. Случалось, чтобы стропы не рассыпались, их связывали. Один так сделал, а развязать, как видно, забыл, хотя инструктор об этом предупреждал. А вот проверить... То ли не проверили, то ли не заметили. Парашют не раскрылся.

СЕВЕРО – ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ.

Точно не помню числа, но было это в первой половине февраля 1943г. Вечерет. Мы возвратились с полевых занятий. Смотрим – в расположении наших казарм десятки грузовых автомобилей. Поужинали. Команда: получить дополнительное обмундирование, сухой паек на 5 суток, грузить табельное имущество в автомашины. Выдали нам валенки, теплое белье, телогрейки, плащ-накидки. Нашему отделению выделили машину. Грузим телефонные аппараты, катушки с кабелем, лыжи. Нас 6 человек. Находим вязку соломы, бросаем в кузов. Где-то в полночь колонна начинает движение. Мы устали. Ложимся на солому впереди в кузове, плотно прижимаясь один к другому. На кузов натянут брезент, ветер не продувает, хотя, конечно, не тепло. И все же как-то согрелись, уснули. Не видели, как проехали Москву. Утром посмотрели – едем по шоссе, изрытыми воронками от бомб, снарядов. Остановились в небольшой сожженной и разрушенной деревеньке. Подошли несколько женщин. За обмотку выменяли немного картофеля (из обмоток они делали чулки, носки, а мы из одной длинной обмотки делали две короткие). Узнали, что едем по Ленинградскому шоссе. Ехали суток трое, проехали Калинин, Торжок, Вышний Волочек. Высадились – и дальше пошли пешком. Из лыж сделали санки – волокуши, сложили имущество. Шли только но-

чью. Народа – масса. Голова колонны начинала движение с наступлением темноты, мы, и то не последние, в марш вступали около полуночи – идти можно было только одной дорогой, и слева, и справа – густой лес, болото. Зима была какая-то «сиротская». Помню, мы в валенках, дорога то поднимается вверх, то спускается вниз. И так одна ночь, вторая, третья. В низинах, в колеях – вода, все же от движения она хоть тепленькая. Ночи лунные. В нашем взводе был паренек, хорошо пел. Почему-то запомнилось: идем, тянем свои сани-волокуши; вверху луна, и звучит душевно, негромко, мечтательно:

Эх, как-бы дожить бы до свадьбы-женитьбы и обнять любимую свою...

Приеду весной, ворота открою,

Ты со мной, я с тобою неразлучны навек...

Днем – привал, здесь же, в лесу. Разводим костер. Подсушиваемся. Однажды повезло: остановились на месте, где когда-то была деревня. Торчали только остовы печей от дымоходов. Нам удалось захватить уцелевший овин. Раньше я их не видел, на Украине, вот всяком случае в Полтавской, Харьковской областях их не было. Похоже на нашу ригу, но построенную над углубление. В углублении – печь, которая топилась «по-черному», т.е. дымохода не было, и полати, на которых сушился лен, почти лазим по полу. Тепло, сбросили шинели, телогрейки, даже гимнастерки. Легли на мягкое льноволокно. Уснули... Проснулся от ощущения холода.

Натянул брюки и гимнастерку. Уснул... Снова проснулся – холодит. Надел телогрейку, натянул валенки. А ко времени подъема мы все уже были полностью одеты – из овина тепло улетучивается быстро. За ночь преодолевали немного – думаю. Не более 10-12км. Деревень по пути почти не встречали, да и те, которые случались, были почти полностью сожжены. А последние две-три ночи шли по прорубленной в болотистом лесу просеке, выложенной жердями. То-то досталось здесь строительным и саперным батальонам.

Где-то в двадцатых числах февраля заняли боевые позиции. Я – связист проволочной связи 3-го дивизиона 1-го Гвардейского артполка 4-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии. Уже вторую неделю полки дивизии предпринимают отчаянные, но безуспешные попытки перерезать узкий, где-то около 10км, проход, так называемый «Рамушевский коридор», и закрыть выход почти окруженным в районе Демянска фашистам. Нас и немцев разделяет широкая, около километра, долина р. Ловать, покрытая ровным, чистым снегом. Позиции немцев – на возвышенностях, за рекой; наши – на опушке леса, в низменной, болотистой местности. Окопов, траншей нет – лежим в углублениях, сделанных в снегу. Морозцы небольшие, под снегом – рыжая, торфянистая вода. Спим здесь же, недалеко от «окопов». В лесу из снежных брикетов выкладываем небольшую загородку, на снег накидываем ветки елок, сосен, снимаем шинели, и по двое, спина к спине, укрываемся с головой шинелями, плащ-

палатками – теплее. Так отдыхаем, когда подходит смена отдохнуть. Не успеешь как следует вздремнуть – что-то бок стынет, холодит: подбирается влага, подтаял снег. Поворачиваешься на другой бок. А тут еще не дают покоя вши – ведь нет ни бани, мы уже больше месяца вообще не раздевались, не меняли белье. Они были везде – даже в поясных ремнях. У нас в отделении был солдат – Пилипец. Добродушный, флегматичный, лет 30-ти, рыхловатый телом. Подойдет, бывало, растянет губы в невинно-лукавой улыбке: «Откуда достать? Сколько? Не глядя. А?» Пороется подмышкой, показывает. Невеселое развлечение, смотреть нечего, своих хватает, а все же духом не падали, еще и с юморком, хотя и горьким, старались смотреть на такие вещи. Днем в глубине леса разводили костер, сушили подмоченную одежду и «вели борьбу» с насекомыми. Снимешь нательную рубашку, а она вся серая. И вот вокруг огня занавес из рубашек: только шелкают, лопаясь, вши. Наши НП и КП в боевых порядках пехоты, батареи километра за 3-4. Немцы непрерывно бьют из пушек, только прибежал с линии – снова порыв, снова на линию, связь должна действовать бесперебойно.

Уже давно, около часа, на порыв ушел мой напарник. А связи нет. Иду и я. Лес. Глубокий снег, провод в руке. Примерно через километр увидел товарища – он лежал на снегу. Убит осколком снаряда, разорвавшегося вблизи. Соединил провод, прозвонил, связь есть.

Атаки... Атаки... После каждой долина рясеет, словно в

беспорядке разбросанными снопами, телами наших бойцов – они серыми шинелями четко выделяются на заснеженной равнине. «Долина смерти» называли ее солдаты. Сколько таких «долин» от Волги до Берлина. С поля боя, с передовой в ближний тыл – красные полосы-дорожки. Нигде и никогда потом подобного я не видел: в самом деле, буквально красные от крови дорожки. Раненых санитары вытаскивали с поля боя на волокушах, каждый стремился тянуть волокушу по уже проложенному следу. И сейчас перед глазами эти изъезженные до блеска кровавые полосы-дорожки. Ближайший населенный пункт, где разместился медсанбат, далеко. Увозить всех раненых вовремя не успевали. И сколько погибло от потери крови, от переохлаждения. А согреть было негде. Плохо было и с доставкой продуктов. Поддерживаем себя козиной. Смотрим, куда артналет?: Размещение частей в лесу примерно знали, знали, в каких частях были лошади. После артналета – туда! Мясо укладывали в сумки для противогазов (противогазы все давно повыбрасывали). Варили в котелках. Для предупреждения цинги пили отвар из хвои. Противный! Солдаты (теперь понимаю, глупо делали!) стремились незаметно для медработника выплеснуть его, не понимали, что не от хорошей жизни надо было это делать. Сибиряки, а в нашей части их было много, жевали живицу, на соснах ее было в изобилии.

– Попробуй, – предложили мне мои товарищи – старшина Прибыш, ст. сержант Чусовлянов. Попробовал. Непривыч-

но, однако, ничего – зубы очищались, во рту как бы свежее становилось. Где-то в марте – вот только не помню: то ли мы захватили у немцев. То ли нас перебросили на другой участок – мы заняли позиции, где были неглубокие, низкие землянки-норы: в них не входили, вползали. Спать в них тепло, но невозможно никак – ложимся одетые, тесно, жарко, а по всему телу – вши, их мириады. Крутишься, вертишься, терпишь-терпишь, а потом, словно пробка, вылетаешь из этой дыры. Уже более месяца прошло от начала этой операции по окружению немцев – с 15 февраля идут тяжелые, кровопролитные бои армий Северо-Западного фронта, которым командовал тогда маршал С.М. Тимошенко. выскочили немцы из Демянского котла. Наши потери были большие.

В 20-х числах марта нас сняли с передовых позиций, командир дивизиона сказал: сбор через 5 дней на станции Сობлаго. Сюда шли – сплошная колонна войск на несколько километров. Отсюда – идет группа 10-12 человек. Кто это? – Первый батальон!

Мы, взвод управления, то пешими то на стволах, на лафетах пушек нашего полка (пушки были на механической тяге – полуторки «виллисы») – добрались до Сობлаго.

Тут, наконец, нам приготовили хорошую баню, мы прошли санобработку в специальном санитарном поезде, нам сменили белье.

Подогнали эшелон. Ехали долго. Под перестук колес мы отсыпались, отдыхали, даже не очень интересовались, где

едем. Да и понять, где мы, было нелегко: станции незнакомые, но видим – общее направление – на Юг. Наконец, где-то в начале апреля, остановились, команда – выгружаться. Узнали: станция Горшечная, Курская область.

ОРЛОВСКО – КУРСКАЯ ДУГА

Я, как и прежде, командир отделения связи взвода управления артиллерийского дивизиона 76мм дивизионных пушек. Пушки эти использовались для стрельбы как с закрытых, так и с открытых (прямой наводкой) позиций. В первом случае они занимают огневые позиции за 3-5 км от переднего края, во втором – в боевых порядках пехоты, так как главная их задача при этом – борьба с танками, подавление, уничтожение ДОТОВ, ДЗОТОВ (долговременная огневая точка, деревоземляная огневая точка). На Северо-Западном фронте наши пушки вели огонь из закрытых позиций. Танков и наших, и немецких я не видел, во всяком случае на участке боевых порядков наших подразделений. Сильно заболоченная местность делала невозможным их применение.

Сейчас не припомню названий населенных пунктов, где мы заняли позиции. Были они не на передовой. После тяжелых потерь под Рамушево надо было пополнить части, навести порядок. В мае-июне 1943г. стояли мы в степи, на Северном выступе Орловско-Курской дуги. Мое отделение обслуживало запасной наблюдательный пункт, да и вся линия была второй или третьей линией обороны, от передовой километров 12-15 (слышна артиллерийская перестрелка, видны дымы пожаров). Вырыли землянку-блиндаж, оборудовали наблюдательный пункт. Пехоты здесь, в землянке, мало.

Дежурили возле телефонного аппарата, питание получали сухим пайком, за ним ходили один раз в неделю км за 4 в тыл, где находились наши штабы, склады. Так мы и жили небольшим коллективом – 4 человека. Вокруг степь, трава, цветы. Тепло. На фронте – затишье. После Северо-Западного фронта – рай. Проводится учеба. Нас знакомят с обстановкой. Немцы очень сильно укрепили свою линию обороны (в этом мы впоследствии удостоверились). Готовятся к наступлению от Орла и Белгорода ударами навстречу с целью закрыть нас в Курском выступе и взять реванш за Сталинград. Мы уже знаем, что немцы здесь впервые готовятся применить свой новый танк «ТИГР». Известны его боевые характеристики. Конечно, впечатляют: лобовая броня – 11 см! Известны и слабые места. Это – результаты работы разведки. Уже после войны в одной из книг (название запомнил) вычитал, как 5ой ценой добыты эти сведения. Испытание «ТИГРов» проводилось в Крыму. Туда из Центра были направлены разведгруппы. Первые две погибли, только третьей удалось выполнить задание. Разведданные свидетельствовали и о том, что противник готовится к применению отравляющих веществ.

Мы тоже имели глубоко эшелонированную, хорошо укрепленную оборону: окопы, траншеи в рост человека, ДО-Ты, ДЗОТы, хорошо замаскированные НП, КП, огневые позиции артиллерии. Среди солдат были слухи (а оно доходило, без сомнения, с «верхов»), что в худшем положении

окажется тот, кто первым начнет наступление. Что же, в таких соображениях был резон: пробить, прорвать хорошо укрепленную оборону, которую и мы, и немцы строили почти полгода, было нелегко, а потери наступающая сторона, несомненно понесет значительно большие, чем обороняющаяся. Командующим нашим фронтом (а это был Центральный Фронт) был один из выдающихся военачальников – Константин Константинович Рокоссовский. Наше командование знало день и время начала наступления немцев – это также заслуга наших разведчиков, в частности, Николая Кузнецова. Мы готовились к тяжелым боям. Части 13-й Армии, которой был придан наш артполк, стояли фронтом на Север в районе Поньрей. Мне тяжело вспомнить, да, собственно, вряд ли я и знал, какому именно полку, дивизии, батальону придавался наш артдивизион – с началом боев мы очень часто меняли позиции.

5 июля 1943г. мы с отделением – помню Чусовлянова, Засова – занимали тот же блиндаж. Ночь. Отдых. Нас разбудил внезапный грохот канонады. Выскочили в траншею. Рассветало. Тепло, небо над нами чистое, нигде ни облачка. Наши взоры туда, где проходит передняя линия обороны. Весь горизонт там уже затянуло дымом, видны частые вспышки взрывов, с каждой минутой темная полоса на горизонте становилась все темнее, поднималась все выше. Выстрелы, взрывы – все слилось в сплошной гул. Мы понятия не имели, кто стреляет, кто наступает. Позже мы узна-

ли, что наше командование, располагая до намеченной точными сведениями о начале наступления противника, приняло решение провести контр – арт- подготовку: на час раньше до намеченной немцами артподготовки, в 2ч.20мин., в полосе 13-й Армии по позициям фашистов был нанесен мощный огневой удар нашей артиллерии. Противник понес значительные потери. Были расстроены связь, взаимодействие частей. Удар отрицательно повлиял на морально – психическое состояние немцев, сорвал организованное начало наступления.

Только в 5ч.30мин. противник начал артподготовку. По тревоге мы снялись со своей позиции. Уже во второй половине дня вступили в бой. Дальнейшие 10 дней вспоминаются, словно какой-то сон, кошмар. Мы («Мы» – это все бойцы дивизиона: и расчеты пушек «пушкари», и связисты, и разведчики) в буквальном смысле эти дни не спали. В первые 4-5 дней очень часто, по несколько раз в сутки, меняли огневые позиции. Только окопаемся – а надо было отрыть окопы для пушек, хранилища для боеприпасов, окопы – «щели» для себя, наблюдательные пункты – постреляем часа 3-4 – приказ сниматься, менять позицию. И снова то же. Не в переносном, в буквальном смысле, у меня несколько раз кожа на ладонях слезла – пока огрубела, и волдыри уже не появлялись. Спали на ходу. Не верил, и не поверил бы, что такое может быть. Во время перехода, особенно ночью, идешь в строю вслед за пушкой, глаза закроешь и пребываешь в по-

лусне, как-то интуитивно ощущая, что находишься в строю. Дней через 5 после начала боев уже более стабильные позиции. Степь, впереди деревня, там немцы. Ночью вырыли и оборудовали КП, как могли замаскировали. Перекрытия никакого – чем накроешь? Командир дивизиона капитан Сегал здесь, он командует огнем батарей. Его место возле стереотрубы, там же артрзведчики. Мы рядом по телефону передаем команды на огневые позиции:

–Влево пятнадцать! Прицел двадцать! Осколочными!!! Десять снарядов!!! Дивизионом! Беглый огонь!

Рядом с НП мы отрыли щели-ровики. В них отдыхаем посменно. Но какой там отдых! От раннего рассвета и до поздних сумерек не затихает бой. Противно свистят снаряды, мины, они рвутся вокруг, и Бог знает, может, следующий наш? А здесь лежишь на дне щели и дрожишь от постоянного нервного напряжения. В небе – воздушные бои, где-то в безбрежном мареве надрывно режут двигатели – и только черные шлейфы дыма от сбитых и наших, и фашистских самолетов указывают место боя.

Во второй половине дня капитан приказал изменить НП, перейти на запасной, метров за 150-200 от этого. Он словно чувствовал, что нас засекли: только-только мы отползли в небольшую улучину, в окоп, где мы были, ударил снаряд, взрывом бросил вверх землю.

На 5-й или 6-й день наш дивизион занял боевые позиции в Понырях – эпицентре немецкого удара. Большое село,

помню названия – Первые, Вторые Поныри. Бой шел на улицах села, пушки поставлены против танков. Наблюдательный пункт под стеной избы, выкопали щель, накрыли, , особенно ночью. замаскировали каким-то хламом – село разбитое, сожженное. Да и как ему уцелеть, если бой идет здесь, на улицах. Здесь наши пушки. Немцы бросили танки. Один подошел по улице, остановился под деревом, метрах в трехстах от нас, ведет огонь вдоль улицы. Ударили наши, подбили, задымился.

Позиции удержали. Где-то после 14 июля наступательная сила немцев ощутимо ослабела. Уже нет непрерывных атак и сплошной канонады. Стремятся давить, но атаки захлебываются, немцы откатываются на прежние позиции. Интересное зрелище – линия фронта ночью. Куда ни помотришь – везде огонь, стрельба, зарева пожаров. Особенно впечатляет, когда темное небо прошивают разноцветные траектории трассирующих пуль. Сказал «впечатляет», когда смотришь издали. Правда, немцы часто вели неприцельный огонь, наверное, чтобы подбодрить себя, прогнать страх. Передовая обозначалась частыми осветительными ракетами – разноцветными: одни падали быстро, другие зависали в темном небе и медленно опускались, светясь ярким светом. Впечатление такое, словно попал в окружение – куда ни кинь взором – везде линия передовых позиций.

Недели две продолжались тяжелые бои: то мы врубались в оборону немцев, то они нас теснили. Кто кого? Чья возьмет?

Где-то между 15 и 20 июля на нашем участке фронта наступил перелом – получив подкрепление, мы перешли в контрнаступление. Противник дрогнул. Немцы отступали с арьергардными боями, но чувствовалось: с каждым днем темпы нашего наступления нарастали.

Только командованию были, наверное, известны причины зигзагообразного движения нашей части: Дмитриев-Льговский – Севск – Глухов – Шостка – Конотоп – Остер. Тут сильных боев не помню, видимо, в действие были введены свежие части, они преследовали отступающего врага. Мы были выведены во второй эшелон. Нас радостно встречало население освобожденных местностей, особенно в украинских селах. Женщины, бабушки приносили на дорогу, где шли солдаты, молоко, яблоки, хотя, конечно, не густо у них было продуктов. Правда, случалось и такое: вошли в Конотоп, расположились на ночлег. Заметили: на улицах мало, почти не видно, девчат.

– Где это ваши девчата? – спрашиваем у встретившейся пожилой женщины.,

– Дома сидят, за немцами плачут, – ответила осуждающе. Не думаю, чтобы все, но местами немало их было, таких...

Впервые за многие месяцы мы иногда ночевали в хатах, спали на кроватях, на подушках – как-то даже неудобно было – отвыкли. Немцы, отступая, сильно минировали дороги, строения. Были случаи – по неосторожности, неопытности (раньше такое не встречалось) – дернул дверь избы – взрыв.

Случалось и иное. Наше подразделение на марше остановилось на обеденный отдых на зеленой поляне вблизи рощи, начинающейся здесь же, вблизи дороги. Сбросили аммуницию: часок отдохнем. И вдруг – взрыв! Взоры туда: в облаке пыли, в падающих копьях земли извивается лошадь, недалеко от нее, силясь то ли подняться, то ли ползти, человек. Подбежали – молодой еще парень, лейтенант, осколками сильно побиты ноги. Перевязали, отправили попутной машиной. А ведь по этой дороге уже прошло много людей, машин, даже танки! Если бы сам не видел – трудно поверить, что такое может быть! Оказывается, может. Стояла там противотанковая мина, и то ли на нее не попадали колеса автомобилей, танков, то ли по какой-то иной причине – она не сработала. А теперь, очевидно, шип подковы лошади попал на взрыватель и... конь своей жизнью спас лейтенанта от смерти. Еще один подобный случай видел в деревне: на улице, по которой прошло немало людей, машин, подорвался пароконный войсковой фургон, ездовой погиб.

Уже октябрь. Пошли дожди. Грязь непролазная. Мы идем вперед во втором эшелоне. Ночевки – в скирдах соломы, в лесу, реже – в селлах. В один из дней второй половине сентября подходим к г. Остер. Серый, но без дождя, день. Куда ни кинь, луга, камыши, озера – это пойма реки Десна. А в небе густые стаи водоплавающей птицы, в большинстве – утки различных видов. Где-то впереди началась стрельба: стреляли из автоматов, винтовок – но то стрельба – «в белый

свет, как в копеечку»: птицы высоко, бросили. Идем разъезженной песчаной дорогой через сосновый бор. В редком зрелом лесу видим множество крестов. Забежал посмотреть: немецкое кладбище. До черта их набили, не меньше 3 тысяч крестов. Интересно, между прочим: индустрия изготовления крестов действовала у них исправно. Все кресты стандартные, изготовленные из фигурно вырезанных заготовок, на крестах – даты изготовления: 1939, 1940 (заранее готовили). На каждом кресте прикреплен металлический жетон с личным номером солдата. Такой же номер выжжен под жетоном. Надо отдать должное похоронным командам противника, работали они отменно. Они стремились убрать и похоронить погибших, даже если условия для этого были минимальными. Даже во время самых тяжелых боев тела выносились с поля боя, отправлялись вот на такие кладбища, которое мы видели.

ДНЕПР

Дождь, грязь, разбитая дорога. Мокрые, усталые, еле еле плетемся. Всем миром помогаем вытаскивать постоянно попадающие в глубокие, наполненные грязевой жижей, колдобины пушки, телеги с боеприпасами и другим снаряжением. В ночь на 29 сентября подошли к Днепру. Темень непроглядная. Остановились. Наш взвод управления подошел к стожку сена. Я с двумя солдатами залезли в стог, зарылись в сено. Снизу донесся какой-то разговор на повышенных тонах. Прислушиваемся: голос нашего командира взвода старшего лейтенанта Хрупанова И.И. Не любили его. Солдафон, служака в худшем понимании этого слова (ему тогда было лет 30), на солдат смотрел, как в полном смысле на «карандашей», так с целью маскировки в телефонных разговорах на передовой называли солдат-пехотинцев: карандаши пошли, подбросьте нам карандашей и т.д., словно немцы и в самом деле дураки, что не понимают, о чем речь. Нашим тоже понимали, что они понимали, но уже вошло в привычку так же, как о снарядах «огурчики» и др. Оказывается, под этим стожком расположились связисты армейской связи. Здесь была у них то ли промежуточная станция, то ли остановились, чтобы тянуть линию дальше, через Днепр. Старшим у них был старшина, он протестовал против того, чтобы возле точки связи располагался кто бы то ни было. Вооб-

ще-то он был прав. Вдруг раздался выстрел из пистолета. Мы сползли вниз. Старшина лежал возле стога, Хрупанов прятал пистолет в кобуру. Там были бойцы нашего взвода, они слышали весь разговор: но они и в мыслях не могли допустить, что такое может сделать человек, даже такой, как Хрупанов. Поведали те, кто был рядом: Хрупанов не грозил, не просил, он хладнокровно достал пистолет, отвернул борт наброшенной на плечи старшины шинели и выстрелил прямо в сердце. Скотина! И сейчас не могу вспоминать этого без содрогания, отвращения к этой гадине, а тогда даже мысль была пристрелить его здесь же...но... если бы это было хотя бы в бою... убил ни за что, ни про что хорошего человека, бойца, награжденного правительственными наградами. Хрупанова взяли, велось следствие, но он якобы «выкрутился». Так как через шесть дней после описываемых событий был ранен.

На участке правого берега Днепра, против которого мы вышли, зацепились уже пехотинцы 60-й Армии, в составе которой действовал и наш артполк. Через Днепр саперы соорудили понтонную переправу. Днем по ней непрерывно вела огонь артиллерия противника, бомбила авиация. Мы переправлялись, как я уже сказал, темной, осенней, дождливой ночью. В двух шагах ничего не видно, ориентировались по тихим приглушенным окликам. Через Днепр тихо, без шума, с командами вполголоса переправлялись части. В двухстах-трехстах метрах от переправы рассредоточились подразделения, ожидающие своей очереди. Изредка на противо-

положном берегу поднимались осветительные ракеты, время от времени, не часто, возле переправы слышны были разрывы снарядов – вести прицельный огонь у немцев возможности не было. Поздней ночью переправились и мы – пушки и наш взвод управления. Помню: низкий песчаный берег, в начале – голый, а дальше – поросший тальником, молодым невысоким сосняком. Километрах в пяти от берега в таком же сосняке заняли огневые позиции. Пушкарри рыли окопы для пушек, устраивали свои позиции; мы, связисты и артрзведчики тоже копали ровики-щели, землянку для связистов. Разведчики и часть связистов сразу же направились на передовую оборудовать наблюдательный пункт (НП).

Разведчики взяли свои стереотрубы, мы, связисты, навесили по две катушки на плечи, третья – в руках и потянули телефонную линию. До передовой от огневых позиций было километра два. устроились на КП командира пехотного батальона. Когда рассвело, огляделись. Наша передовая установилась практически на открытой местности, на песчаных невысоких холмах с жухлой высохшей травой. Среди холмов виднелись островки соснового молодняка – самосева. Впереди, примерно в километре, село. Там немцы. День начался атакой противника. Кратковременный налет фашистской артиллерии, атака. Танков. Правда, не было. Накрыли их пушечным, минометным огнем, встретили огнем пулеметов и винтовок. Немцы залегли, а затем перебежками повернули назад. Сил у них, видно, было негусто. Но и у нас дела обсто-

или не лучше. Танков нет, не слышать самолетов (очевидно, еще не перебазировались аэродромы). Очень мало снарядов для пушек и мин для минометов, установлен жесткий лимит на их расходование, надо было беречь на случай танковой атаки. Поэтому приказ «Взять село», несмотря на то, что в пехотные роты для пополнения были отосланы бойцы из тыловых подразделений: повара, ездовые, писари, ординарцы (это для очищения совести командира), ибо сколько их там в сравнении с необходимостью. Да и какая у них подготовка-выполнен не был. С горьким юмором шутили солдаты: «Приказали одному Ивану окружить и взять село». В самом деле, в ротах, взводах было в 4-5 раз меньше людей, чем положено. Но захваченный плацдарм надо было удержать. Это были бои за удержание и расширение так называемого Димерского плацдарма, который позже сыграл решающую роль в освобождении Киева. Атаки немцев сменялись нашими. Но успеха они ни нам, ни немцам не приносили.

В ночь с 4-го на 5 -е октября я дежурил на огневых позициях. Утро – без дождя, в небе высокие с разрывами облака – началось с артиллерийского обстрела немцами наших огневых позиций. Артналет был интенсивным – снаряды густо рвались в редколесье, где стояли наши пушки. Я прыгнул в ровик-щель, приник к земле. В таких случаях правило одно – лежи и не высывайся. Попадет – что ж, такая судьба. Начнешь бегать – больше шансов не на спасение, а на «тот свет». Во время артналета погибли два человека: один не

успел прыгнуть в окоп, а второй бегал искал место, где якобы безопаснее (рассказывали те, кто были рядом в окопе – сказал: «Побегу на вторую батарею, туда меньше стреляют»). Артналет закончился. Слышу, мой напарник кричит: «Сосна! Сосна!». Я: «Елка! Елка!» но «Сосна» молчит. Порыв на линии. Вешаю катушку на правое плечо, автомат на левое, телефонный аппарат в правой руке, в левую беру провод на согнутые пальцы и – на линию. Надо спешить, артналет неспроста, немцы пойдут в атаку, а связи батарей с наблюдательными и командными пунктами нет. Выбежал из леса, уже открытая местность. Пригибаюсь, мешаает шинель, съезжает вперед катушка, противно бьется о колени. Посвистывают шальные пули. Вверх мне смотреть некогда, неудобно, да и незачем. Вдруг донесся какой-то гул. Посмотрел – со стороны передовой на значительной высоте идут самолеты – штук 8, Юнкерсы- 88. Иду дальше, наблюдаю за ними. Вдруг под ними что-то рассыпалось. «Вот гады, еще и листовки бросают» – подумал я. Действительно. Очень похоже было на белые листочки. Только это подумал и услышал противный нарастающий, но не сильный свист. Сразу же «стукнуло» – противопехотные мины! Я однажды уже под ними был. Это случилось на левом берегу Днепра. Наши пушки разместились в неглубоком овраге, до передовой километра три. Между передовой и огневыми позициями, ближе к передовой – картофельное поле. С одним пушкарем мы отправились нарвать картофеля. У меня этот пушкарь и сейчас пе-

ред глазами: невысокий, в шинели и пилотке, на спине полупустой солдатский вещмешок, к нему же привязан солдатский котелок. Только начали копать – откуда ни возьмись «Юнкеры», сыпанули противопехотные мины. Ими наполняются большие сигарообразные контейнеры, которые подвешиваются под фюзеляжем самолета. Когда их сбрасывают, они раскрываются, из них высыпаются не менее (а может, и больше) сотни шарообразных мин величиной с добрый кулак. Мины рассеиваются и накрывают большую площадь, падают густо. Взрываются они при первом же соприкосновении с преградой, воронок почти на оставляют, осколки разлетаются в радиальном направлении, прочерчивая на земле смертоносные лучи. Спасти от них на ровной местности тяжело. Мы пригнулись к земле здесь же, искать каких-то углублений было некогда. Частые хлопки от взрывов мин... Закончилось... я поднялся. Мой напарник метрах в пяти – не шевелится. Подошел – он лежал как-то на боку. Увидел пробитый котелок. Осколок прошел котелок, пробил спину, и, очевидно, попал в сердце. Солдат был мертв.

...И вот теперь я снова попал под эти мины. Размышлять некогда, растянулся здесь же, втискиваясь в маленькую бороздку. И сразу же, словно град, слышались негромкие глухие взрывы, схожие чем-то на разрывы надувных воздушных шаров. Лежу, уткнувшись лицом в землю. Вдруг сильный, резкий, словно камушком, брошенным из пращи, удар в левую ногу, ниже колена. «Есть один» – равнодушно отме-

тил для себя и лежу, вокруг еще слышны взрывы. Наконец, утихло. Вообще, это тянулось недолго – 3-4 минуты. Поднялся, посмотрел – в голенище сапога рваная пробоина, нога в сапоге в чем-то мокром, теплом – кровь. Мелькнула мысль: «Повезло. Только один. И в ногу». Позже, когда сбросил шинель, увидел еще несколько дыр в шинели, но уже, видимо, или слабые осколки, или по касательной зацепили, до тела не добрались. Поднялся на ноги. Боли не почувствовал, намерился идти по линии вперед. Выполнять задачу, но в это время увидел, что по линии, со стороны огневых позиций приближается ко мне наш связист. Его послали после артналета бомбардировщиков для подстраховки.

–Я ранен.

–Куда?

–В ногу.\

–Сам дойти сможешь?

–Попробую.

Он побежал по линии, а я направился на огневые. Сначала нога не очень тревожила, но затем с каждым новым шагом тупая, ноющая боль усиливалась, охватывая всю голень. Боль самой раны как бы не ощущалась – уже нестерпимо ныла вся кость. Я еле-еле двигался, сильно хромая. На левую ногу почти не опирался. На батарее заметили, выбежали навстречу, помогли. Сняли сапог. Вся портянка мокро-красная, штанина тоже. Штанину разрезали, рану перевязали. Прилег здесь же, на полянке, под елочками. Боль немного

утихла. На батарее были еще 4 раненых. Где-то пополудни шла полуторка в тыл за снарядами. В кузов положили сено, помогли раненым в него забраться. Я лежал крайним возле правого борта. Двинулись. От тряски нога сильно болела, поднимал ее, старался держать на весу, в таком положении боль немного притуплялась. Но долго так не удержишь. Но страшнее всего было на берегу. Возле переправы собралось много разного транспорта: автомашины, подводы, какие-то военные команды. С той стороны тоже автомашины с боеприпасами, пушки, солдаты... движение одностороннее. В первую очередь пропускают сюда, на берег, где идут бои. Конечно, все это рассредоточено. Мы тоже сначала остановились вдали от переправы, в сосняке. Больше всего боялись налета авиации. В самом деле : куда денешься Ни подняться, ни побежать. Это страшнее всего – чувствовать себя беспомощным, незащищенным в момент угрозы смертельной опасности. Нам этот раз пронесло. Часа через полтора переправились на левый берег и к вечеру прибыли в село. Где размещался медсанбат. Разместили нас в избе, на полу, на душистом сене. Здесь заночевали. Нога, пока спокойно лежу, ноет, но терпимо. Если же поднимаюсь, и нога оказывается на весу – боль невыносимая, а нога словно свинцовая. Утром рану осмотрела, перевязала симпатичная, чернявая, молоденькая медсестра, еще, помню, угостила шоколадом, приветливо посмотрела, улыбнулась, сказала «красивый», спросила, откуда.

Затем меня вместе с другими ранеными снова уложили в кузов грузовой автомашины и повезли. Машину трясло, бросало на ухабах. Боль невыносимая. Ехали медленно, долго. Наконец, остановились. Водитель сказал: «Приехали». Местечко Носовка, здесь армейский госпиталь легкораненых (ГЛР).

РАНБОЛЬНОЙ.

Поместили меня в длинный палаточный барак. В нем с обеих сторон были сплошные дощатые нары. Здесь ночевали, отдыхали раненые. В этом госпитале находились только легкораненые. По сигналу «Подъем» они выходили из барака, гуляли в рощице, часть – помогали на кухне по хозяйству, на хоздворе: рубили дрова, ухаживали за лошадьми. Утром я остался на нарах один – передвигаться я не мог. Заглянула медсестра.

– Почему не идешь завтракать?

– Какой там черт «идешь»? Я на ногу ступить не могу!

Завтрак принесли. Затем пришел какой-то обслуживающий то ли недоучка-студент, то ли быстроиспеченный фельдшер, посмотрел рану:

– так у тебя же здесь касательное, кожа немного содрана и все.

Меня прорвало:

– Ах ты ж, туда твою перетуда, ты что, не видишь? Смотри (ткнул пальцем) в направлении раны. Осколок ударил в кость прямо, а где, куда он вышел? Здесь слепое осколочное ранение, а ты мне «к-а-с-а-т-е-л-ь-н-о-е»!

– Ну, хорошо, придет рентген, тогда разберутся. (В ГРЛ своего рентгенаппарата не было). После этого меня не тревожили подъемами, пищу приносили. Через два или три дня

появился передвижной рентген. Помню, меня уложили на стол лицом вверх, рентгенолог – мужчина средних лет – смотрел, коснулся пальцем раны.

–здесь больно?

–Да.

–У тебя здесь осколок 1,5х2см.

–И я ведь тому олуху говорил, что там осколок, а он мне «касательное».

–Тебя нужно оперировать. Отправят в тыл.

Через день или два меня отправляли в тыловой госпиталь. Санитарный поезд – не менее 50 «телячьих» вагонов. Все заполнены ранеными. Лежали на сене – и внизу, и на верхних нарах – кто мог забраться. Шли разговоры, что нас выгрузят, а Нежине, но за день или два до прибытия нашего эшелона ст. Нежин бомбили немцы. Рассказывали, что творилось что-то страшное. На станции стояли три эшелона: с горючим, боеприпасами, а между ними состав с ранеными. Начался пожар, рвались мины, снаряды. Раненые, кто мог, пытались уйти или уползти со станции в разных направлениях. Одних добило, другим добавило. Этими последними еще дополнили наш эшелон. Двинулись дальше. Продвигались медленно, долго стояли на станциях. Не единожды слышали завывающее гудение самолетов. Становилось до жути страшно, ведь все мы беспомощные: не спрыгнешь, не спрячешься. Перевязок не делали. В вагоне неприятный запах, в ранах – зуд. Начали самостоятельно снимать бинты – во многих ра-

нах черви. Я развязал – у меня тоже. «Ну, это хорошо, значит, заражения нет» – успокаивали бывалые солдаты постарше. Двигались от города к городу, но нигде нас не выгружали. Наконец, 25 октября эшелон прибыл в г. Моршанск Тамбовской области. Здесь был эвакуогоспиталь №3893. Эшелон уже ждали. Были повозки, машины, молоденькие медсестры с носилками, их добровольные помощники из выздоравливающих раненых. С чьей-то помощью взобрался на повозку, лег (сидеть не мог, нога на весу казалась налитой свинцом, с тупой, ноющей болью). Госпиталь разместился в корпусах школы. Я попал в небольшой одноэтажный корпус. Помню две смежные комнаты: большая, проходная, в ней человек 25 раненых, из нее дверь в меньшую, в ней было 6 человек, положили меня седьмого, сразу направо, у двери. Ходить я не мог, с большим трудом, преодолевая адскую боль, на двух костылях, ебле допрыгивал до туалета. Почти все время лежал, да и все в палате были лежачие. Помню, у двоих ампутированы по одной ноге, у одного перебита плечевая кость руки. Говорил, в санбате хотели отнять руку, но он не дал, надеется, что срастется. Рядом со мной лежал казах. Лет сорока пяти, раненый в ногу. Он не ел сало, свинину, (сало нередко давали вместо масла)– отдавал мне: «Ешь, Тола». Я ему отдавал табак (курил я мало), делился сахаром. Развлечений никаких не было- не было даже радио, книг, газет. Да и светить было нечем, а зимний день короткий, вечера длинные. Ускоряли течение времени мои рассказы о прочитан-

ных книгах. Читал я в свое время, особенно, когда учился в школе, много различной литературы, в т.ч. и приключенческой. Большинство же из тех, кто лежал со мной в палате, читали, по всему было видно, мало, и они охотно и внимательно слушали мои довольно подробные пересказы захватывающих «Дети капитана Гранта», «Капитан Немо», «Граф Монте Кристо» и много другого.

Медсестрой в нашей палате была Мария Кунавина, угловатая, не очень красивая, но симпатичная и приветливая девушка лет 18. Она делала перевязки, помогала во всем раненым. Часто, в свободные минуты, слушала мои рассказы. Да, я забыл сказать, что еще до ранения, на фронте. После освобождения Краснокутска (август 1944г.) я послал письмо маме и там же получил ответ. И радость, и печаль: мама и сестра живы, в Краснокутске, брат Владимир на фронте, брат Григорий в феврале 1943 погиб на Карельском перешейке, брат Виталий после освобождения района тоже пошел в действующую армию (в декабре 1943 он погиб неизвестно где и как). Из части сообщали, что он был ранен и отправлен в госпиталь. В другом ответе писали, что служил, но ввиду обстоятельств военного времени документы части, где он проходил службу, не сохранились. Можно разное думать: часть вела тяжелые бои, был ранен, его отправили, а часть попала в окружение, и его не успели вывезти в тыл, и погиб, как погибали тысячи, чьи имена неизвестны. Возможно, умер в эшелоне, и по причине чьего-то равнодушия

не сообщили. Еще на фронте я получил письмо от Володи, от отца (он находился в Котласе, куда переехал после 8 –летнего отбытия наказания на Дальнем Востоке). Теперь, в госпитале, я регулярно обменивался письмами с Краснокутском.

Уходила неделя за неделей, рана моя затягивалась, хотя полностью не закрывалась, оставался свищ. Боль уже так не мучила, я уже мог совершать более длительные выходы сначала на двух, а затем и на одном костыле, мог уже сидеть на кровати, свесив ноги. Появилось новое развлечение – карты. Правда, настоящих карт не было, не было и чистой бумаги. Их делали из газет, из оберток «Моршанская махорка», в городке была табачная фабрика, и мы использовали обертки для писем, на них писали даже официальные документы (например, справки о ранении). Играли в подкидного и в очко. Получил солдатское жалованье -46р. Сел играть – выиграл 500 руб. Попросил Марию, она купила яиц, сало, не помню, что еще, в госпитале кормили не «ахти». Остались у меня рублей 100, сел – проиграл. Прислала сестра рублей 300, сел – почти все проиграл, больше в очко не играл. Осколок в ноге основательно обжился. Он меня уже почти не беспокоил. Месяца через три после ранения я уже мог двигаться даже без костыля. Но свищ не закрывался, выписать с открытой раной меня не могли, но и операцию не делали. Почему? Потому, что хирурги не успевали делать неотложные, срочные операции: в нашем эшелоне было много раненых, бои на Днепре в октябре, ноябре продолжались, затем началось на-

ступление на Кировоградщине. эшелоны с ранеными прибывали, многим раненым требовались неотложные операции.

Ранбольные, которых вот-вот выпишут, составляли «команду выздоравливающих», . им выдавали какую-нибудь, видавшую виды одежку, они помогали госпиталю по хозяйству. По-братски они одалживали свое обмундирование подобным мне, чтобы выйти в город. Ходил и я. Особого впечатления городок не оставил. Да, собственно, и рассматривать по-настоящему было некогда- прошелся несколько раз по одним и тем же улочкам.

Вот и весна. Середина марта. Однажды утром в палату впорхнула небольшого роста, ладная, кареглазая девушка с русыми косами в халате медсестры – не наша, в нашем корпусе такой не было.

–Ты Матюхин?

–Я

–собирайся, пойдем.

–Далеко?

–Не очень.

Дело солдатское, приказывает начальство – выполняй. Собрал свои нехитрые манатки, набросил халат, попрощался с палатой и зашагал за своей симпатичной проводницей. Прошли двор, вошли в вестибюль большого трехэтажного корпуса. Направо коридором прошли в палату.

– Вот твое место – указала нба свободную кровать.

Палата небольшая, всего 5 кроватей, высокий потолок,

продолговатая, два больших окна, светлая. Сказали, что предоперационная палата. Значит, вскорости надо ждать операцию. Возможно, очередь подошла, а может быть увидели, что надежды на заживление раны без операции не сбылись. Кушатьносят в палату, хотя ходил я уже почти не хромая. перевязки делали в перевязочной, хозяйками там были медсестры. Периодически раненых осматривал врач-хирург. Нашу палату обслуживала та, которая привела меня сюда – Мария Николаевна Коновалова. Раненые называли ее «Мушка». Веселая, подвижная, приветливая – возле нее в перевязочной всегда вертелись под предлогом помощи один-два из выздоравливающих. В 1942г. она закончила 10 классов, курсы медсестер и уже больше года в госпитале.

Прошла неделя, может, чуть больше. Как всегда, утром медсестра и санитарки принесли завтрак. Поставили на тумбочки всем, а мне не несут. Мария что-то не та, в мою сторону и не смотрит.

–Маришка, а мне почему завтрак не несешь?

–Не заработал, – буркнула, где вчера был? У той кикиморы? и убежала

Какой там у “кикиморы”! С ребятами, которые уезжали в часть “втихаря” выпили понемногу какой-то дряни – денатурат что-ли – синеватая с резким запахом жгучая жидкость.

Я вообще не увлекался водкой, даже на фронте, на Северо-Западном, где нам давали по 100 гр. “наркомовских”, свою пайку в большинстве случаев отдавал более охочим.

Поэтому теперь и в голове, в животе было противно.

Закончился завтрак, снова вбежала Мушка и ко мне:

– Давай ногу! – присела на кровати, поставила мыльницу, помазок, в руке бритва. Схватила ногу, положила себе на колени и молча принялась обрабатывать рану. Понял: готовили к операции. Наконец, и она подтвердила; буркнув:

– После обеда на операцию, – и убежала.

В голове шумело, в животе “варакудило” – противно. Как-то будет под наркозом.

Где-то часа в три вошла Марка и уже как-то приглушенно, сочувственно, и, мне показалось, даже нежно сказала:

– Пошли, – помогла встать и повела коридором, затем по ступенькам на второй этаж. Со мной пошли еще два “ходячих”, охотники “держать”. Дело в том, что операции делали тогда, как правило, под общим наркозом. И, рассказывали, попадались оперируемые, которые на какой-то определенной стадии действия наркоза проявляют буйство, агрессивность: пытаются сорваться с операционного стола, произвольно размахивают руками, брыкаются ногами, становятся похожими на буйнопомешанных. Девушки-медсестры ничего с такими сделать не могли, поэтому и шли двое-трое ребят, присутствовали в операционной и, в случае необходимости, придерживали такого “буйного” до успокоения.

Положили и меня на стол, привязали руки, ноги, подвернули на левой ноге холщину подштаников (я был в нательном белье). На лицо положили марлевую повязку, и, не знаю,

очевидно, капнули хлороформ или что-то иное – в нос только нечто густое, слезкое, удушливое...

–«Считай», —кто-то сказал. Я не считал. После нескольких вдохов мне стало легко, тело вовсе не чувствовал, словно оно невесомое парит в пространстве. Я что-то рассказывал о том, как мне хорошо, как я, словно птица, рею в поднебесье...

Затем мне надоело, я рывком поднялся на столе.

–Почему до сих пор не делаете операцию? – и осекся, взглянув на ногу. Хотя в голове был туман, понял, что все уже сделано. Нога покоилась на столе, забинтованная белоснежным бинтом. Ребята приставили к столу носилки, помогли передвинуться на них и понесли. Уже у двери услышала голос хирурга:

–Вот, посмотри, какое железо было у тебя в ноге, – показал осколок, я как-то безразлично взглянул – был еще в полупомрачении.

Через некоторое время мне в палату принесли 100 гр водки, что-то поесть. Выпил, неохотно, уснул. Спал до утра. Опьянение прошло, чувствовал себя нормально. Ребята рассказали об операции. Вел себя спокойно, разговаривал, девчата спрашивал, где и с кем был, кто нравится – и я все рассказал. Я этого не помнил. Оказывается, при наркозе бывает такой момент, когда ты сам ничего не чувствуешь, не помнишь, а на все вопросы отвечаешь, притом – правильно. Рассказали, как хирург долотом выдолбил осколок, кость во-

круг почернела (еще бы! – осколок “просидел” в кости почти шесть месяцев).

После операции рана быстро заживала. Чаще выходил во двор: уже пригревало весеннее солнце. Пошел сфотографировался – маленькая такая фотография, послал домой.

–«Скоро выпишут», — сказала Мушка во время одной из перевязок. Я это и сам видел. Прошло еще несколько дней. Швы сняли, рана закрылась.

Точно не помню, но где-то в 20х числах апреля 1944 г. меня выписали.

Прощай, Моршанск, прощай, госпиталь!

ОТ КОВЕЛЯ ДО ВАРШАВЫ.

Из госпиталя попал в запасной полк в Борисоглебск. Решил, что связистом больше не буду – хватит с меня, “хлебнул” счастья. Когда спросили, кем был на фронте, сказал: артиллерийским разведчиком. Служба эта мне знакома, ведь отделения связи и разведки – в одном взводе управления. Основные приборы стерео разведчика – стереотруба, бинокль, буссоль; надо уметь пользоваться топографической картой. Все это я знал, умел. В Борисоглебске пробыл недолго, в начале мая 1944 г. прибыл на фронт. Определили меня во взвод управления полковой батареи 76-мм пушек 1107 стрелкового полка 328 стрелковой Пинской дивизии 47 Армии. Армия действовала в составе 1-го Белорусского фронта (создан 20 октября 1943 г. вместо Центрального). После наступления 1943 года Армия занимала позиции на левом крыле фронта, наш полк держал оборону под Ковелем. Так я стал командиром отделения артразведки. Взводом командовал молодой лейтенант Орлов. Он только закончил училище, у него была девушка, посылал ей деньги по аттестату.

На фронте затишье – готовились к боям, полк стоял во втором эшелоне. Мы – разведчики, связисты – проводили полевые занятия: уходили из расположения подразделения в лесок или на луг к р. Турье; связисты “упражнялись” в наведениях линий связи, а мы – в оборудовании НП, ведении на-

блюдений, обнаружении и нанесении на карту целей. Командир взвода парень был хороший, у нас было время полюбоваться здешней чудесной природой, пострелять в Турье щук.

Турья – речушка неширокая, течет через луг, берега в буйной сочной траве, возле берегов в реке – осока, водяные лилии. Вода чистая, прозрачная. Идешь по берегу и видишь, как щучка стоит в водяной зелени, подкарауливает добычу. Прицелился и одиночным выстрелом из – если и не попадешь – все равно оглушишь: перевернулась вверх брюшком, всплыла. Здесь же у нас котелки – варим что-то, что имело далекое подобие ухи. После этого приятно прилечь на бугорке, подставить себя теплему солнцу, вздремнуть. Лейтенант только предупреждал, чтобы не ложились вниз лицом – отекает, заметно будет, что спали. Жаль, погиб он в Польше: шел из передовой на огневые и попал под артобстрел.

Батареей командовал ст. лейтенант Разваляев, ростовчанин, коренастый, лет сорока, мужик энергичный, всегда бодрый. Любил батарею, лошадей (батарея была на конной тяге), считал профессию артиллериста очень престижной, а артиллерийцев – армейской “интеллигенцией”. Полушутя, полусерьезно говорил: “Артиллерист всегда должен быть чисто выбрит, наглажен и слегка пьян.” Надо сказать, что всего этого он свято придерживался. умел и любил ездить на лошади. В период затишья на передовой или когда отводили на краткий отдых во второй эшелон – проводились занятия, в том числе учились езде верхом, в седле. Случалось, солдат

не знал, какую ногу в стремя поставить. всунул левую – Ты какую ногу в стремя сунул?! – понарошку возмущаются бывалые. Растеряется, выдернет, подпрыгнет – сунет правую:

– Ты что, через голову на лошадь садиться будешь? – и рады, что “поймали” простачка, весело хохочут.

От души хохотал и комбат, наставлял:

– Ты на лошади так должен держаться, что если увидит какая дивчина, то пусть и не выйдет замуж, – но подумает...

Новичков, которые только учились держаться в седле видеть сразу: по несколько дней враскарячку ходили. Пренеприятная вещь.

Когда я прибыл в часть, Ковель удерживали немцы, хотя был он почти полуокружен нашими войсками. Оборону противник создал сильную: проволочные заграждения, подходы сильно и с различными “сюрпризами” минированы. В июне Ковель был нами взят, линия фронта выпрямилась. В связи с тем, что немцы применяли много мин, минировали все подходы к передовой, а отступая – и дороги, дома – был приказ каждому подразделению выделить бойцов для обучения саперному делу – обнаружению и обезвреживанию мин. Из нашего взвода отправили Мишу Жадова – молодого паренька, только что призванного в армию где-то из Сибири, на фронте еще не был. Мы уходили на свои ученья, он – в полк, там с ним проводил занятия сапер-старшина. Помню: теплый, солнечный летний день. В тот день полк вышел на полковые учения, за несколько километров от расположе-

ния. Обед привезли в походной кухне.

– Нет нашего Мишки, – ошарашили нас сообщением повара. Мы все любили этого веселого русоволосого паренька, он был для нас словно посланником из иного мира, из “гражданки”, рассказывал о жизни, которой мы уже 2-3 года не видели, не знали и даже не представляли, что оно могло быть каким-то иным, чем здесь – не в окопах, не в походах, не в боях, что там, в тылу, хотя тоже тяжело, но люди и любят, и женятся, и детей рожают, и танцуют, и целуются, и ревнуют ...

... Как и в предыдущие дни старшина повел группу бойцов на занятия непосредственно на отбитую нами линию обороны противника. Сапер ошибается только один раз. То ли сам старшина, то ли кто-то из бойцов зацепил натянутую в траве проволоку, присоединенную к взрывателю прыгающей мины. Это такая – подпрыгивает примерно на уровень груди и взрывается, посылая во все стороны шарики-шрапнель. Погибли тогда 7 человек. Мише шрапнель пробила шею, там, где застегивается воротник гимнастерки. Случись это на передовой, в бою – это воспринималось бы хотя и тяжело, ведь погибали друзья, но все же как фатальная необходимость: войны, боев без жертв не бывает. Но здесь – боев не было, смерть воспринималась как что-то неестественное, как какая-то нелепость. Похоронили мы его на степной полянке, расцветшей полевыми цветами, и могильный холмик украсили сплетенными неумелыми мужскими руками вен-

ками из этих цветов.

„, В начале июля полк занял позиции на передовой. 18 июля 1944г. наша 47-я армия (командовал генерал-лейтенант Гусев М.И.) перешла в наступление. Вступал в бои и наш полк. Немцев, несмотря на отчаянное сопротивление, сбили с оборонительных рубежей – перевес в силах был явно на нашей стороне. Сильная артиллерийская подготовка, самолеты расчистили путь пехоте. Уже 20-го мы форсировали р. Западный Буг, вступили на территорию Польши. Наш 1107 стрелковый полк вел бой за польский городок Межнижец. В районе товарной станции на окраине городка противник сосредоточил значительные силы, били оттуда из крупнокалиберных пулеметов, минометов. Нас, троих артрязведчиков, вызвал начальник артиллерии полка капитан Востриков и приказал отправиться с танковым десантом, которому была поставлена задача овладеть товарной станцией. Наша задача обнаруживать цели для артиллерии. Мы ворвались на товарную станцию, завязали бой. Танки пошли дальше в город. Немцы прятались между вагонами, пакгаузами, вели огонь из разных закоулков, из-за контейнеров, ящиков, бочек – всего этого на территории товарного двора было в достатке. Мы использовали такие же укрытия. Немцы, отстреливаясь уходили вглубь города. К этому времени подошли основные силы полка, и немцы побежали. Правда, чуть было снова не потеряли станции. Наша братва, ворвавшись на станцию, бросилась в вагоны, склады, появились бутылки с

невиданными заморскими этикетками – вино, коньяк, масло, сыр, колбаса – этого мы или давно, или вообще никогда не видели. Группки солдат на ходу, примостившись за ящиком, бочкой или иным укрытием «угощались». Но ненадолго: немцы начали обстреливать станцию из крупнокалиберных пулеметов разрывными пулями. Огонь, конечно, был не прицельным, по всему было видно, арьергард решил немного задержать нас, чтобы дать возможности отойти главным силам. Мы продолжали наступление. Это был первый населенный пункт на польской земле, освобожденный нашим полком. За участие в форсировании Буга и этот бой я был награжден орденом “Красной Звезды”.

В конце июля мы были уже далеко от Западного Буга. Местность очень красивая: реки, озера, леса, луга – все в полном летнем расцвете и созревании. Села большие, много зелени, садов, в которых пламенеют спелыми ягодами вишни, гнутся ветки яблонь, много малины.

В одном из таких садов погиб капитан Востриков, чудом остался жив я.

А было так. Полк занимал позиции на окраине села. Наш НП разместился в конце усадьбы, которая своим тылом выходила в сторону передовой. НП устроили возле забора с внутренней стороны в густых зарослях малины, дальше были вишни, сливы и другие деревья, и кусты. Здесь же рядом, замаскированное деревьями и кустами, выставив ствол за ограду, стояло противотанковое орудие из приданной пол-

ку противотанковой батареи (наши “полковушки” для борьбы с танками непригодны – короткоствольные, они имели слабую пробивную силу). И вот однажды мы увидели: прямо против этого орудия, метрах в восьмистах, под одиноким густым деревом появился “Тигр”. Он был хорошо виден, хотя его и старались замаскировать ветками. “Тигр” не стрелял, не двигался. С какой целью он вышел в боевые порядки своей пехоты – не знаю.

Капитан подозвал меня, сказал:

– Пойдем, “Тигра” подбивать будем.

С ним был командир минометной батареи. Мы пришли к противотанковому орудью. Возле ограды, в кустах собрались человек 5, рядом были бойцы орудийного расчета. Капитан изложил свой план: навести пушку на танк, затем залпом минбатарей по площади перед танком “ослепить” экипаж и, пока не развеялись пыль и дым от взрывов мин, выстрелами из пушки уничтожить танк. Мне эта затея сразу выдалась неразумной: не такие уж немцы дураки и слепцы, чтобы еще раньше не заметить пушки, а теперь не увидеть такого “столпотворения”. Мне в этой куче делать было нечего, и, с разрешения капитана, я отошел метров на 10 в сторону и назад, к щелям артрасчета. На бруствер одного из ровиков я сел, свесив ноги в ровик. Не прошло и минуты, как в уши ударили вряд два – сразу не понял – то ли выстрелы, то ли взрывы. И почти в то же мгновение мимо меня пробежал командир минбатарей: лицо, одежда в крови, забрызганный

еще чем-то, чем я сразу не понял (позже узнал: его даже не царапнуло, забрызганный был чужой кровью и тем, что летело от разорванных тел). Он только прокричал мне: “Там такое . . . такое” – и побежал. Я вскочил, подбежал – и остолбенел: первым увидел капитана, он еще корчился, уткнувшись лицом в землю, спина была голая, вся красно-синяя, побитая осколками. Ближе к пушке лежали изувеченные, побитые осколками, разорванные тела бойцов. Погибли командир артвзвода, командир, наводчик и заряжающий орудия. Посмотрел в сторону танка – он развернулся и пополз в свой тыл. Похоронили всех в братской могиле. Жаль капитана – хороший человек, хороший командир. Всегда осторожный, а здесь допустил роковую ошибку. Позже в этот же день меня подозвал командир батареи:

– Ты где часы дел?

– Какие часы? – не понял я.

– Ты же взял у убитого капитана часы?

– Вы что, товарищ старший лейтенант, с ума сошли? – полезли у меня глаза на лоб. – Как вы могли подумать?

– Да я и сам знаю, что это выдумка. Подлюга, ей не человека – барахла жаль. – Оказывается ППЖ (“полевая походная жена” – так их называли на фронте) капитана – сухая, рыжая, некрасивая медичка- обшарила остатки одежды и тело погибшего, не нашла часов – и на меня, ведь вместе с капитаном из нашего подразделения был только я, и я первый подбежал к месту гибели.

Ко мне она не подходила, очевидно, убоилась.

... Войска продолжали наступление, немцы откатывались к Висле, ведя арьергардные бои на промежуточных рубежах. Однако, наступательный порыв наших войск был такой сильный, что долго задержаться они нигде не могли. В одном из боев я был контужен. Редким сосновым лесом шел я на наблюдательный пункт. Противник обстреливал из орудий, пулеметов, так как это были подходы к нашим передовым позициям. Шел один, скоро НП, я вдыхал ароматы летнего леса. И вдруг услышал специфические, скрежещущие звуки “скрипача” – реактивной немецкой установки. При пуске снарядов она издавала звук, подобный рещу ишака. Чутьем, присущим каждому, кто подолгу бывал на передовой, ощутил: снаряды летят сюда, в мою сторону. Вскочил в попавшийся на пути вырытый в песчаном пригорке большой окоп (очевидно, для автомашины), прижался к стенке, противоположной входу. Снаряд разорвался на входе, в уши ударило – и затем их словно заткнули чем-то тугим, непроницаемым. Прислушался – только гул в башке, ничего не слышу. Понял: оглушило. Недели три “прокантовался” в санбате, постепенно прошло, возвратился на батарею.

Наша дивизия вела наступление в направлении Парчев – Радзиль – Лукув – Седльце – Минск – Мазовецки – Воломин – Яблонове-Легйоново. В августе подошли к Праге. – предместью Варшавы на правом берегу. Овладеть ею с ходу не удалось – немцы заблаговременно подготовили оборону и

оказали сильное сопротивление. Полки остановились, стали в оборону. Наш полк занимал позиции севернее Праги. 10 сентября 1944 г левофланговые части нашей армии перешли в наступление и 14-го освободили Прагу. На участке нашей дивизии противник удерживал небольшой плацдарм, передовые линии и наша, и немцев оставались на правом берегу вплоть до январского наступления.

ДАЕШЬ БЕРЛИН!

Уже четвертый месяц занимаем позиции на правом берегу Вислы, чуть севернее Варшавы. Противная, сырая зима, снега не много. Окопы противника метрах в 700-800-стах, тоже здесь, на этом берегу. Затишье, редкие перестрелки. Обе стороны готовятся к решающим боям.

Наша – артиллерийских разведчиков – главная задача – обнаружить наблюдательные, командные пункты, огневые точки, укрепления противника, линию его переднего края, хода сообщения. Все мы наносим на топографические карты, огневики заблаговременно готовят данные для стрельбы по целям. Дело кропотливое, ведь, как и мы, противник стремится все хорошо замаскировать, поменьше “маячить” на передовой. Многодневные сидения возле стереотрубы – и какая радость, если “поймал “зайчика” – отблеск окуляра стереотрубы или бинокля противника, который неосмотрительно попал под солнечный луч. Тут уж засекаешь эту точку, берешь ее под особое наблюдение, пока удовлетворишься, что то – не случайный отблеск, что там что-то есть.

Так проходят дни, недели. Отводили нас на отдых в ближайший тыл – в местечко Яблоново-Легйоново. Здесь второй раз (первый раз – в госпитале) за военные годы сфотографировался. Приближался день артиллерии (19 ноября) и меня как лучшего бойца направили в штаб дивизии сфото-

графироваться. Не помню, какая была цель, но фотографию мне дали, я послал ее в Краснокутск, так она и сохранилась.

Всем уже надоело сидеть в окопах, с нетерпением ждали наступления. Кормят неважно: перловка (солдаты называли – “шрапнель”) и кукурузная каша на воде. Смотришь на нее – кажется такая вкусная, золотисто-желтая, думаешь – от масла. Возьмешь ложку – в рот не лезет. Это всегда так: когда долго в обороне – разговоры о наградах, про девчат, семью, про то, хоть бы скорее наступление. Как только начинаются бои, атаки, бомбы, снаряды – не до девчат, не до наград, хотя бы быстрее закончилось, хотя бы живым остаться...

Во время нашего “стояния” в Варшаве вспыхнуло восстание. Об этом сказали политработники. Мы видели, как над городом кружили американские “Летающие крепости”, сбрасывали что-то на больших парашютах. Повстанцы в Варшаве держались два месяца (с 1.08 до 2.10.1944 г.). Немцы восстание подавили. Мы в это время наступать не могли, ведь только закончилось большое наступление от Буга до Вислы, войска понесли значительные потери, надо было пополнить части и живой силой, и техникой, и боеприпасами, и всем другим необходимым. Были попытки помочь локально, переброской определенных сил в Варшаву, однако не получилось, здесь политические соображения взяли верх. Дело в том, что восстание началось с благословения эмигрантского правительства Польши, которое пребывало в Лондоне. По заявлению представителей СССР, наше командование не

было поставлено в известность о готовящемся восстании. В наличии же было и второе правительство Польши, сформированное на освобожденной территории. Так что в отношении к восстанию в Варшаве отразились два различных подхода к становлению будущего Польского государства.

Вечер 14 января 1945 г. Получен приказ: завтра утром наступление, задача – освободить Варшаву и дальше, на Германию. Наш левый сосед – части войска Польского. В окопы пришел командир полка полковник Родионов. Он был уже достаточно пожилой, суховатый, казалось, ремень, портупья не прилегают к телу, а висят на шинели, пистолет оттягивал ремень вниз, и если бы не портупья, ремень, наверное, и во все бы сполз бы вниз. Его любили, он был всегда уравновешенный, понимал солдат, не впадал в амбицию.

Однажды по нечаянности я в его адрес грубо ругнулся – правда, то было как теперь говорят, в экстремальной ситуации. Это случилось на той же усадьбе, где погиб капитан Востриков. Поздно вечером (было уже достаточно темно) немцы начали сильный артиллерийский обстрел наших позиций. Солдаты бросились в окопы, щели, ровики – кто куда, лишь бы в укрытие. Ко мне ближе всего оказался ровик, выкопанный прямо у стены дома и накрытый тонким накатом. Я бросился к входу, а там кто-то застрял и никак не продвигался дальше. Вокруг рвется, а я на входе и дальше – никак.

– Да двигайся же ты, так ... перетак...!! – это и мои усилия

помогли влезть, стоим молча, слышно лишь, как сопут набившиеся сюда. Закончился артналет, вылез я, отошел, специально не смотрел, но увидел, что вслед за мной из ровика вылез командир полка. Мне он ничего не сказал, да он теперь уже и не мог узнать, кто был возле него, а себя мысленно корил за то, что так неосторожно накинулся на хорошего человека.

... На передовой он интересовался, как настроение, знаем ли задачу. Ночью в землянке по очереди отдыхали, а где-то около четырех утра уже все в окопах. Рассветало. И вдруг – правее нас еще темное небо огненными стрелами прописали снаряды “Катюши” и почти в то же мгновение вздрогнула земля от залпов сотен стволов различных калибров. Невозможно передать словами симфонию артиллерийской канонады: глухие звуки выстрелов могучих дальнобойных орудий, с ближнего тыла бьют 152-ми гаубицы, еще ближе слышно хлестанье 122мм, 82-миллиметровых минометов, звонкие залпы 76-миллиметровых дивизионных и полковых пушек, шипящие звуки гвардейских минометов “Катюши”. Сотни стволов ведут беглый огонь. Немцы отстреливаются вяло, мы вылезли на бруствер, смотрим на буквально вздыбленный передний край противника. Попасть под такой огонь – страшно, знаю, самому приходилось быть. “Молотили” их не меньше часа. “Вперед, пошли!” – команда простая, будничная. Поднялись, пошли, затем быстрее, бегом.

В первую линию немцев ворвались сравнительно легко, в

траншеях много погибших, а кто остался в живых – от нервного потрясения не могли отойти, лежали на дне траншеи или сидели, охватив голову, зажав уши. С ходу по льду форсировали Вислу, подошли к северной окраине Варшавы, ворвались в предместье. Вскочил в один из домов – раненый немец, он сразу поднял руки вверх. Вывел, показал направление в тыл, сказал “иди”. Он пошел.

Поляки радушно встречали. Меня один тянул в гости, говорил, что он повстанец, что мы спасли их. Хотя гостевать было некогда, мы все же выпили с ним по рюмочке бимберу (так поляки называют самогонку), не помню, чем на ходу закусили, и я побежал дальше. Немцы отступали, Варшаву охватывали наши войска с севера и юга, и противник спешил выскочить из возможного “котла”. 17 января Варшава была свободная, но какая? Разбитая, разрушенная.

Научились мы воевать. Не давая передышки немцам, окружили Сохачев, затем удар на Модлин. Ежедневно продвигались на 25-45 км. Левобережье Вислы входило в, так называемый, немецкий протекторат. Из Германии переселились немцы, им в селах выделяли хозяйства, землю, они вели фермерское хозяйство, работали поляки. Теперь эти “хозяева”, загрузив фуры посудой, перинами, одеждой и другой домашней утварью удирали. Куда? Кто – знает ...

Мы шли вперед, не обращая на эти обозы внимания. Поляки же, обиженные, оскорбленные, “пощипывали”: летал пух из распоротых перин, вдоль дорог валялись разбросан-

ные вещи. Но покинутых немцами хозяйств не трогали, ждали, как распорядятся военные власти. В хозяйствах было много свиней, коров, гусей, кур; все это было брошено на произвол. Наши старшины этим воспользовались: в солдатском меню появились мясо, сало... Да и солдаты проявляли “инициативу”: нередко была свинина. Делали это, конечно, когда останавливались на ночлег или редкий дневной отдых. На следующий день мы двинулись дальше, на наше место приходили тыловики, власти военные и гражданские, как они там решали – то их дело.

Уже в этих, а затем и на территории Германии, хозяйствах мы видели много такого, что для нас было новым, непривычным. В частности, в переработке, консервировании, хранении продуктов. Под домами – большие, во всю площадь дома, подвалы, полуподвалы. Они разделены на секции – комнаты. В одних секциях – картофель, свекла, морковь, другие овощи. В отдельной секции-комнате – полки и множество закрытых банок – консервы. Консервировали все: мясо – тушенка свинина, птица (куры, утки; различные овощи: морковь, капуста, огурцы, спаржа и еще другие, названий чему мы не знали. Мы открывали; помню, спаржа не понравилась, попробовали – тут же выбросили. (Надо заметить, что мы других способов длительного хранения мяса, сала, овощей, кроме засолки не знали). А вот полка с бутылками. Что в них? Попробовали, оказывается, различные соки, даже за чем-то был сок из паслена. На чердаке висели полосы копче-

ного сала-шпика. Продовольственное положение Германии было тяжелом. Но немцы – народ дисциплинированный и самодисциплинированный. Рассказывали, что у них были разработаны общие дневные нормы потребления продуктов питания, общее недельное меню – и всего этого они твердо придерживались. Вся живность – не только крупный скот, свиньи, но и каждая курица, утка и др. – была взята властями на учет. Все это учитывалось при выдаче продовольственных карточек. Зарезал поросенка – на определенный период карток на мясо, жиры не получал. Укрытие от учета даже курицы было строго наказуемым. Рынка, базара в нашем понимании не было. Все реализовывалось через магазины. Мы наблюдали уже после окончания войны: бауэр, например, ставит бидоны с молоком за ворота на специальный помост, на бидонах фамилия бауэра, количество молока. Никто возле них не сидит, не сторожит. Подъезжает сборщик, забирает, отвозит в магазин, а в конце месяца подводится итог, хозяин получает расчет. Все на доверии, добропорядочности.

... 29 января 1945 г. части нашей дивизии перешли границу Германии. Где-то в эти дни меня вызвали в штаб полка. Замполит майор Заведеев сказал, что командование рекомендует меня на должность комсорга батальона.

–Но ведь это же офицерская должность, а я – не офицер.
–Ничего, будешь офицером.

Так стал я комсоргом 1-го стрелкового батальона 1107 стрелкового полка 328 стрелковой дивизии. Это тебе на арт-

батарея, и не отделение разведки. Стрелковый пехотный батальон ... Парторг, комсорг в первых рядах атакующих. Немцы отходят, многие из них отстали от своих частей, разбрелись по лесам, буеракам.

Наш батальон в походной колонне шел топким пролеском, который вдали исчезал в лесу. Колонна остановилась. Вперед пошли парторг батальона, заместитель командира полка по строевой части, с ними – пулеметчики со станковым пулеметом “Максим”, медсестра, человек 5 бойцов. Не прошло и полчаса – из лесу слышалась стрельба. Подождали. Стрельба не утихала, вестников из леса не было.

–Товарищ майор, разрешите мне туда, – обратился я к комбату.

–Иди, возьми еще человека три бойцов, и командир минроты пойдет.

Мы пошли. Прошли метров 800 лесом – проселок втягивался в лесную ложбину, вправо и влево – песчаные продолговатые холмы, поросшие сосновым зрелым редким лесом. Левый холм одним своим склоном спускался к лесному озерцу метров 800 шириной. Впереди ложбина и холмы упирались в фольварк – большой дом, перед ним – высокий деревянный забор. С левого холма короткими очередями строчил наш пулемет, из-за забора раздавались нечастые винтовочные выстрелы. Первое, что я увидел – медсестра тащила на носилках подполковника, зам. командира полка. Он кричал:

–Нас окружают!!...

–Замолчи, а то пристрелю! – не удержался я, ибо в то же время услышал из ложбины, где-то недалеко от забора:

–Комсорг, выручай! – то крикнул раненый парторг, увидев нашу группу, которая подходила. Подполковник умолк, медсестра потащила его дальше. (Кстати, оказалось: подполковник подлец и трус, был легко ранен в руку, а заставлял девушку тащить его на носилках). Мы ползком взобрались на возвышенность, я залег на ее вершине за сосной в каком-то углублении. Осмотрелся. Вгляделся в фольварк. Больших сил там не заметил, очевидно, “засела” там небольшая группа. Но позиция у них удобная, ведут прицельный огонь. Наш пулемет умолк – перегрелся; когда один из пулеметчиков попытался спуститься к озеру по воду – был убит. Сзади и немного правее меня залег командир минроты. Я позвал его – не откликается. Посмотрел – лежит неподвижно, пуля попала в голову. Нас осталось человек восемь. Я направил двух в обход озера, двух – в обход по правому холму. Там был лес, и перебегая от дерева к дереву, можно было подобраться ближе к усадьбе. Из-за забора слышались выстрелы, мы (а со мной оставались еще 3 человека) ответили огнем из карабинов и автомата. С левой и правой стороны подошли ближе к усадьбе посланные мной бойцы и тоже открыли огонь. Мы увидели, как от забора в глубь усадьбы, за дом побежали немцы. Стрельба прекратилась. В лощину втягивался батальон. С предосторожностями, послав вперед разведку, во-

шли на территорию усадьбы. Там никого не было.

Отправили в тыл парторга – он был тяжело ранен в живот. Чем дальше – сопротивление противника усиливалось. Очевидно, ему удалось перегруппировать силы, ввести резервы. Тяжелые бои вела наша дивизия возле Быдгоща, а затем – возле Шнайдемюля и Дейч-Кроне. Немцы создали здесь сильно укрепленные линии обороны, узлы обороны.

Опорными точками такой обороны были железобетонные ДОТы с бронированными колпаками. Это сооружение метра на три было зарыто в землю, над поверхностью виден был невысокий бронированный купол с амбразурами для пулеметов и автоматов. Внизу были нары, столик; до амбразур поднимались по специальным лесенкам. ДОТы располагались так, что они могли вести перекрестный огонь. Обезвредить их было очень тяжело. Каждый населенный пункт брали с тяжелыми кровопролитными боями.

Припоминается случай. Во время боев под Шнайдемюлем нашему полку была поставлена задача овладеть небольшим местечком. Оборона немцев проходила по его окраине. Она состояла из глубоких траншей, пулеметных точек, из местечка били минометы. Несколько наших атак захлебнулись. И снова короткая артиллерийская “обработка” переднего края противника – и наш батальон пошел в атаку. Я – в первой роте. Бежим, на ходу стреляя, противник обстреливает нас из минометов, частые взрывы мин. Больше ничего не замечаю –

только бойцов, которые бегут рядом. Нередко спрашивают, страшно ли в атаке. Не раз приходилось бывать в атаках, но, наверное, чувства то-ли отключаются, то-ли притупляются – когда поднялся и со всеми пошел в атаку – страха как-то не испытываешь. Только мысль: дойти, тебя не могут убить! Страх приходит позже, после атаки, после боя: вспомнишь – и дрожь охватывает. В этом бою осколком мины мне “черкнуло” кисть левой руки. “Удачно”: если бы на 2-3 см ниже, осколок раздробил бы сустав. А так – рану быстро перевязали и снова вперед. С поля боя я не ушел, хотя ранение давало на это право. Мы ворвались в траншеи, ведя огонь. Успешно действовали и другие батальоны. За этот бой я был награжден орденом “Славы” III ст. В архивной справке, присланной из наградного отдела Министерства обороны СССР значится: “В наградном листе к приказу 77 стр. корпусу № 025-Н от 24.03.1945 г., по которому комсорг 1-го стрелкового батальона 1107 стр. полка 328 стр. дивизии красноармеец Матюхин Анатолий Кузьмич награжден орденом “Славы III ст.”. О награждении меня этим орденом я узнал и получил сам орден почти через 20 лет. Было это в 1946 г., я работал директором Мурафской средней школы. Однажды получаю повестку из Богодуховского райвоенкомата (тогда районы были соединены, Краснокутского района не было), мне предлагают явиться туда, имея при себе военный билет и орденскую книжку. Приехал. Уточняют данные: фамилия, был ли комсоргом батальона, когда, где в какой части.

–Все совпадает. Вы награждены орденом “Славы”, и орден не врученный, – и здесь же мне вручили орден. Молодцы в архиве – искали, нашли. Я знал, что представление тогда было подано – на награждение меня орденом “Отечественной войны”. Но потом из этой части я убыл и о судьбе представления не знал да и не пытался узнать.

Жестокие бои пришлось вести нашему полку в районе Штаргардта возле г. Пиритц. Немцы стремились не допустить выхода наших войск Штеттину, бросили в бой значительные силы. Мы выдержали, хотя были и очень неприятные моменты. Один такой трагический день врезался в память и особенно потому, что я увидел, узнал, что может сделать, к чему может привести паника. К вечеру после успешного наступления наш полк занял оборону. Ее левый фланг проходил по вспаханному полю, которое правее упиралось в холмы с сосновым лесом. В этом лесу на правом фланге занял оборону наш батальон. Окопались.

Где противник – точно не знаем. Я прошел по фронту батальона, фронт небольшой, метров 600-700, так как во взводах, ротах оставалось менее половины бойцов. Возвратился на командный пункт, который размещался здесь же, в лесу. Его особенно и не оборудовали, такие же окопы-ровики, как и на переднем крае, ведь с утра наступление должно быть продолжено, основная оборона немцев была прорвана, они отступали.

И вдруг на рассвете противник сделал короткий, но силь-

ный, густой артналет по нашим позициям, а после него весь лес наполнился какими-то криками – протяжными, непрерывными: “А-ла-ла-ла!!! А-ла-ла-ла!!!” и стрельбой из ручного оружия – автоматов, пулеметов. Стреляли разрывными пулями, они ударялись о стволы деревьев, разрывались – впечатление такое, словно стреляют отовсюду, из-за каждого дерева. Мы – комбат, парторг, я – бросились в сторону траншей. И тут же увидел: навстречу бегут бойцы, посмотрел вглубь – там тоже между деревьев увидел людей, который удирают, да, да, не отступают, бегут, удирают.

–Стоять! Назад! – кричу я, размахивая пистолетом; то же делают и другие командиры. Конечно, если бы это было не в лесу, чтобы мы видели всех и нас видели все – возможно, и удалось бы остановить. А так – не видать ни противника, ни наших толком не видно, вижу там бежит один, там другой.

Кричат на ходу:

–Нас окружают!

Наши попытки остановить ни к чему путному не привели, вижу, что впереди наших уже никого нет, стрельба приближается. Мне ничего не оставалось, кроме, как и самому “драпануть”. Из леса я выскочил, побежал по пахоте, впереди меня не густо тоже бегут бойцы. Противник преследует нас параллельным курсом – лесом, оттуда ведет огонь. Вижу – впереди меня солдат кувыркнулся – убит. Бежать тяжело, сапоги вязнут в пахоте. Так пробежали километра полтора, стрельба прекратилась. Осмотрелся – сзади никого нет, впе-

реди видны бойцы, идущие в тыл. Приплелся и я в тылы, где размещался штаб полка. Досталось нам; приказ – восстановить позиции. Собрали бойцов, в рассыпную пошли. Я был теперь на левом фланге, с несколькими солдатами шли вдоль колеи железной дороги. Увидели: от переезда метнулся фриц, побежал в сторону станции, подгоняемый нашими выстрелами. За станцией и местечком дорога поднималась вверх, по ней из местечка тянулась колонна: немцы отступали. Оказалось: утром они бросили против нас сотню подвыпивших солдат, которые, используя лес, шум, неясность позиций, сумели вызвать панику и тем задержали нас, дали возможность своим более-менее организовано отступить.

После Перетца наша 47-я армия повернула на Берлинское направление. После того, как Первый Белорусский фронт нацелился на Берлин, его командующим был назначен Маршал Г. К. Жуков. Нашей 47-й армией еще в период подготовки наступления на Варшаву стал командовать генерал-майор Ф. И. Перхорович. Мы подходили к Одеру. Противник отчаянно сопротивлялся, шли тяжелые кровопролитные бои, командиры, не говоря уже о бойцах менялись калейдоскопически.

Где-то в начале апреля 1945 г. меня вызвали в штаб полка, затем в штаб дивизии. Сказали:

–Пойдешь учиться, – и направили на курсы младших лейтенантов при 47-й Армии.

Ну, здесь в сравнении с передовой – словно на курорте.

Только издали слышим гул пушечных выстрелов, живем не в окопах – в комнате. Учимся. Но идем, движемся вместе с Армией, всегда в боевой готовности.

В апреле начались бои за Берлин. Наша 47-я Армия наступала севернее Берлина. Мы, курсанты, непосредственного участия в боях на передовой не принимали. Но часто по тревоге, и чаще всего ночью, выходили на облавы – очищали территорию от остатков разбитых немецких частей.

25 апреля в районе Катцина мы встретились с частями 1-го Украинского фронта: Берлин был взят в окружение. Встреча эта запомнилась. Колонна наших войск вышла из городка по шоссейной дороге. Мы, курсанты, шли в середине колонны. Вдруг из леса, расположенного влево от шоссе километра за 1,5-2, по колонне ударили из пушек. Колонна быстро заняла оборону вдоль шоссе, фронтом к лесу, развернулась в боевую позицию артбатарея. Из леса никто не показывался. Тем временем была послана разведка. И вот где-то через час из леса выползают танки, на них солдаты машут руками. Наши!!! Но не все увидели эту встречу: во время перестрелки были разбиты две наши пушки, погибли люди.

Быстро продвигаемся на Запад. Немецкие части, оставшиеся в окружении, деморализованы, они беспорядочно отступают; ежедневно видим колонны по несколько сот человек, которые практически без конвоя, под началом своих офицеров направляются в тыл, в плен. Проходим через немецкие городки. Фасады многоэтажных домов белеют вы-

ставленными буквально из каждого окна флажками, сделанными спешно из того, что первым попало в руки. Мы, курсанты, идем мощеными улицами особенно торжественно, твердо чеканя шаг, преисполненные силы и гордости.

—О, как много ... и какие молодые ... а Гитлер говорил, что у русских уже нет армии, — слышим реплики жителей, в основном стариков, женщин, которые вышли на улицу и с интересом смотрят на проходящие части. Первый испуг у них уже прошел, они уже знают, что ничего плохого “русские” им не сделают. Более того, возле походных кухонь собираются люди, особенно дети. Сердобольные солдаты повара (а среди них в основном пожилые) наливают им по возможности солдатский харч.

Были ли случаи бесчинств, жестокости? По всей вероятности были, но не массовые, и они пресекались. В первые же дни вступления наших войск на территорию противника войскам был объявлен приказ Верховного Главнокомандующего Сталина, которым предусматривались строгие наказания по законам военного времени за насилия, умышленные разрушения, поджоги, порчу строений, оборудования и др. Однажды мы вошли в городок, короткий привал. Невдалеке магазины. Пошли посмотреть. В одном вижу: какой-то молодой старшина хватает посуду, бросает на пол, разбивает.

—Зачем это ты? — спрашиваю.

— А это им в отместку за то, что они у нас творили ...

—Дак ты иди на передовую “отмщай”, а то что же ты на

тарелках зло сгоняешь?

Он притих и выскользнул из магазина. Наверное, какой-нибудь тыловик; тот, кто дрался на передовой, на ступлях, тарелках, бокалах “зло сгонять” не будет.

Был очевидцем и картины жестокой. Наши подразделения после ночевки рано утром продолжили движение. Колонна вытягивалась в неширокую долину по мощенке, устроенной по насыпи, справа на холме редкий сосняк, там же несколько строений. Неожиданно против этого холмика колонна остановилась, что-то застопорило движение. Известия распространяются быстро: перед мостиком подорвана наша автомашина с бойцами. Через некоторое время увидели; как наши солдаты вывели из домов человек 6 немцев и на холме расстреляли. Насколько это было обоснованно и законно – не знаю. Больше всего – по принципу “зуб за зуб” и вероятнее всего – расплатились жизнью не причастные к этому люди. Но и наши ведь погибли. Случаи такие были явлением редким. Тем более, что, надо отдать им должное, немцы народ дисциплинированный, если сдались и капитулировали – то уже, все, выполняют, что требуется. На территории Германии я был до конца октября 1945 г. и не приходилось слышать о каких-либо случаях диверсий, убийств наших солдат или о чем-то подобном.

В феврале 1945 г., в бытность комсоргом батальона, я был принят кандидатом в члены ВКП(б). На фронте, для тех, кто принимал непосредственное участие в боевых действи-

ях, кандидатский стаж был сокращен. В октябре я стал членом ВКП (б).

День Победы мне хорошо запомнился. Утром, как всегда, подъем, завтрак – и снова в путь. Мы вышли из городка, идем, на окраине населенного пункта в леску в стороне от дороги наши подразделения – то ли ночевка у них здесь, то ли стоянка. Видим – солдаты выскакивают, стреляют вверх из автоматов, карабинов, что-то кричат. Не утерпели, к ним:

–Что такое? Что случилось?

–Ур-а-а-а!!! Победа!!!

Мы тоже отсалютовали. Оказывается, в эту ночь, в ночь с 8 на 9 мая 1945 г. представители германского командования подписали акт о безоговорочной капитуляции. Не верилось, что теперь, если и будем стрелять, то вверх.

Но – кому победа, а мы в тот день “отмахали” километров 50. Солнце уже хорошо пригревало, жарко, а мы с полным снаряжением: скатка шинели, противогаз, автомат, запасные диски, котелок и другие солдатские принадлежности. Уже хорошо повечерело, а мы все шли. Наконец подошли к каким-то баракам, огороженным колючей проволокой. По колонне пролетело “Пришли”. Попадали здесь же, возле проволоки, на траву. Оказывается, это был лагерь угнанных на работу в Германию из разных стран. Но никого в нем уже не было. Здесь мы ночевали.

ВОЙНА ЗАКОНЧИЛАСЬ.

Через неделю или две курсы расформировали: надобность в скороиспеченных лейтенантах отпала. Так ничем закончилась вторая попытка сделать меня офицером. Курсантов направили в части. Меня определили в 8-й ОИПТД (отдельный истребительный противотанковый дивизион) – дивизион 76-мм противотанковых пушек. Командиром дивизии был Герой Советского Союза майор Печерица.

Сначала дивизион дислоцировался возле Ораниенбаума, а после Потсдамской конференции (август 1945 г.), когда были определены границы оккупационных зон, мы продвинулись на запад, так как в Советскую зону вошла часть территории, до этого занятая американскими войсками.

Дивизион наш расквартировался на территории бывшего, так называемого “общегерманского музея памятника” (кюнстейзер) вблизи г. Кельбра. Он размещался на вершине живописной округлой, покрытой лесом горной возвышенности. Сооружение – четырехгранная срезанная пирамида, сложена из тесаного гранита, высота, говорили, 82 метра. Пирамида возвышалась на двухярусной основе. Там, внизу, слышно было журчание воды. На одной из сторон, на высоком полуцилиндрическом постаменте, поставленном на втором ярусе, громоздилась мощная фигура Фридриха I Барбароссы на лошади. Высота -фигуры от копыта лошади до шлема всад-

ника не менее 7-8 метров. Мы пытались взобраться на постамент, но сделать этого нам не удалось.

Почему Фридрих Барбаросса? Фридрих I Барбаросса во время крестового похода утонул, переправляясь через какую-то речушку в Малой Азии. Он мечтал о завоевании новых земель и богатства. В легенде говорится, что Барбаросса должен вернуться и повести немцев на завоевание новых земель, “жизненного пространства” для немцев. Очевидно, именно поэтому Гитлер план нападения на Советский Союз назвал “план Барбаросса”.

В нижней части строения – большое помещение, серое в средневековом стиле, без каких-либо архитектурных живописных украшений. В зале были выставлены боевые знамена армий разных стран, в том числе и России, захваченные немцами во время войн. В витринах экспонировались вещи германских королей, императоров, военачальников; награды. Но содержание витрин было заметно обеднено – до нас американцами, да и наши уже успели к этому приложить руки. Внизу, под отвесной стеной скалы высотой метров 18-20 была гостиница для тех, кто сюда приезжал, другие служебные и вспомогательные помещения. В них мы и разместились. В свое время на территорию музея часто приезжал Гитлер и люди из его окружения. В одной из комнат находилась библиотека, в ней много альбомов с фотографиями, которые запечатлели пребывание здесь “фюрера”.

Вся гора покрыта лесом. Асфальтированная дорога, пет-

ляя лесом, сбегала вниз, в местечко Кельбра. С противоположной стороны внизу село. Километрах в двух от него огороды. Туда селяне ехали на велосипедах. Работа тяжелая, почва глинистая, участки усыпаны большими и малыми валунами, камнями. Их собирают, выносят с поля, они кучками лежат на меже участков и полевой дороги. Выращивают картофель, желтеют посевы ячменя, пшеницы.

В село мы ходили пить пиво. Вечерами в пивной собирались жители села – женщины с детьми – подростками, пожилые люди. В небольшом зале вдоль стен столики и стулья; в одном конце зала – прилавок, продавец пива, на противоположной стороне небольшая сцена, там оркестр – один – два аккордеона. Посетители семейно садились за столики, брали по кружке пива – его им хватало на весь вечер, пили медленно, не как мы – залпом кружку, а то и несколько.

Играла музыка, пары танцевали – здесь уже были юноши и девушки лет по 14-16. Играли вальс, танго, наши – “Из-за острова на стрежень”, “Катюшу”. Во время танца на 20-30 сек выключали свет (периодически) – наверное, для объяснения в чувствах. Следует отметить: происходило все это благородно, культурно, естественно.

Стричься ходили в немецкую парикмахерскую. Здесь впервые встретились с электрической машинкой для стрижки. Вообще говоря, в развитии техники, технологии у немцев было много нового, передового на то время, такого, чего мы не видели, о чем даже не знали. Конечно, за годы войны мы

немало сделали, в частности, в создании новой боевой техники, оружия. Наши танки “Т-34”, самолеты “ИЛ-2” (штурмовик), наша артиллерия были много лучше немецких и даже немецких, и даже английских. Но впервые в Германии мы увидели изделия из пластмасс, синтетических материалов. Их “фарбениндустри” – крупнейшее объединение в химической промышленности – имела большие достижения.

Вообще, практичности у немцев можно и надо бы поучиться. Казалось бы, мелочи: наши солдаты имели стеклянные, овальные в поперечнике фляги; железные, цилиндрические неокованные котелки. Сколько неудобств в походе, а о неудобствах в бою и говорить нечего – создавали они! Поэтому каждый стремился обзавестись трофейными: дюралевые, легкие, изогнуто-плоские, они хорошо, удобно держались на солдате. Огонь на фронте мы добывали первобытным способом: камень, кресало, трут. Стремились иметь немецкие зажигалки. Наш командир батальона нередко в боях подбадривал, полушутя, бойцов: “Братцы, еще один бросок – и все зажигалки наши!”

Конечно, возможности у нас были ограничены и материальные, и технические. Но большую роль в нашем отставании сыграла самоуверенность во всем, ложная убежденность в том, что “у нас” все самое лучшее, а у “капиталистов” – все не то. Признание в чем-то их преимуществ, а, не дай Бог, еще предложения что-то позаимствовать у них расценивалось как “предательство”, попытка “вражеского проникнове-

ния” и др. Разве не факт, что когда “осудили” и расстреляли Тухачевского, то ликвидировали и созданные по его инициативе танковые части как “творение врага народа”.

Дорого все это нам обошлось, да, собственно, и до сих пор мы словно ничему не научились, самоуспокоенность, самовосхваление крепко еще держат нас за полы.

Я, как и прежде, был командиром отделения разведки и комсоргом, здесь не штатным, дивизиона. Устроились мы комфортабельно. Жили по 2-3 чел. в комнатах бывшей гостиницы, на втором этаже была открытая галерея, там отдыхали, играли в шахматы. Шахматы интересные, фигурки зверей – волки, лисы, медведи, зайчики.

Эта фотография сделана на упомянутой галерее. Жаль, запечатлел фамилии, помню только Тальшина Жору, с которым играю в шахматы.

Мы часто прогуливались по живописным местам вокруг нашего расположения. Во время прогулок наш друг фотограф часто фотографировал.

Проводились и полевые занятия по совершенствованию боевой подготовки. Мне как комсоргу часто приходилось ездить в г. Кельбру, на занятия комсоров, на совещания.

Так пролетело лето. А в октябре 1945 г. я демобилизовался и возвратился в Краснокутск. Работал в редакции районной газеты “Коллективій Краснокутчини” литработником (1946 – 1948 гг.), редактором газеты “Правда Барвінківщини” (1948 г.), редактором “Коллективіста Крас-

нокутчини” (1948-1949), учился в Харьковском парткоме (1949-1951 г) и одновременно экстерном закончил исторический факультет педагогического института; работал инспектором Краснокутского района (1951 – 1957г) директором Мурафской средней школы (1957 – 1966 г), заведующим Краснокутского районо (1966 – 1975г), директором Краснокутской средней школы (1975 – 1984г).

В 1984 г освободился от этой должности в связи с достижением пенсионного возраста. Сейчас продолжаю работать учителем истории в Качаловской 8-летней школы.

Может возникнуть вопрос, почему, я закончив партшколу, не получил назначения на журналистскую или партийную работу.

Дело в том, что и после войны несмотря на то, что я и все члены нашей семьи честно и достойно прошли через все испытания, надо мной висело: “сын врага народа”. И когда в ЦК КП(б)У после окончания партшколы решался вопрос о назначении – там все и “зарубили”. В дальнейшем это тоже было препятствием, только в 60-70 гг на это стали меньше обращать внимание, но начинать новую “карьеру” было уже поздно. Справедливости ради, следует сказать, что в последние годы, собственно, как и на протяжении всей своей жизни – не примите это за самопохвальбу – уважением, вниманием как со стороны партийных, советских, общественных организаций я не был обойденным и обделенным. Об этом свидетельствует и мирный орден – “Знак Почета”, много раз-

личных Грамот, приветственных писем.

А. К. Матюхин
пгт. Краснокутск
Харьковской обл.
1984 – 1985 гг.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Жаль, конечно, что заметки эти слишком поздно спохватился (надоумила дочь Ирина) писать – многое забылось, особенно плохо, что забылись, выветрились из памяти имена многих из тех, с кем был на фронте.

Правда в значительной степени это объясняется и тем, что не такое уж продолжительное время приходилось быть с одними и теми же: в пехоте, передовой артиллерии состава бойцов менялся быстро.

И все же думаю, потомкам через десятилетия интересно будет подержать в руках, полистать, а, может и почитать записи, собственноручно сделанные и оформленные участником самой жестокой и кровопролитной войны XX столетия.

Матюхин А. К.

* Речевые обороты, пунктуация и орфография автора сохранены. Фото из личного архива А. К. Матюхина.

ЭПИЛОГ

Спасибо, что прочитали эту книгу! Эта книга – память о тех, кто сражался и погиб во имя нашего будущего.

Мне не просто далась публикация этой рукописи, тяжело было на душе. Все не выходила из головы цитата Б. Васильева, которую одна девушка процитировала на встрече книжного клуба: "Я немцам не сыновей не прощу, я им внуков не прощу". Печатала и понимала, что могло не быть ни моего любимого мужа, ни моей дочери. Но это наша история, история моей семьи, и мне хочется, чтобы про героев, павших и прошедших войну, знало как можно больше людей. Мы должны помнить, чтить и передавать память о тех, кто не вернулся с войны, о тех, кто пережил ад и страдания. Пусть наши дети и внуки знают и помнят о подвигах своих предков.

Помните, чтите и передавайте историю дальше. Для того, чтобы никогда не повторилось то, что случилось в те страшные годы. Спасибо вам за внимание и за память. И я буду очень благодарна, если вы поделитесь ею со своими близкими и друзьями, чтобы их сердца прониклись историей и памятью о тех, кто воевал и погиб за нашу Родину.

С уважением, Л. Скальт.